* російською мовою *

УТРО

Проснувшись, Валерка минуту лежит не двигаясь, потом прислушивается. Во всем доме — сонная тишина. Кто-то невидимый легонько, мягко протирает глаза окнам, и вот они уже синеют, свежие, чистые, в капельках дождя. С портрета на стене смотрит дед Парфентий, погибший в прошлую войну в Баренцевом море; Валерки тогда и на свете не было.

Слева от портрета — барометр. Тускло блестит полированная оправа, льдинкой стынет в ней круглое толстое стекло, а за стеклом притаилась стрелка. Три дня подряд, как ни стучал по барометру Валерка, она упрямо стояла на "пасмурно", а вчера взяла и передвинулась на "ясно", как будто знала, что сегодня выходной день, — и постепенно дождик кончился, небо очистилось от туч. Хорошее дело — барометр, всегда наперед можно знать, какая будет погода.

Ниже барометра, на краю подоконника, четко рисуются паруса на швертботе, подаренном Валерке дядей Михеем на день рождения.

И вдруг Валерка вскакивает:

— Неужели ушли? Собрались и потихоньку, пока я спал, ушли?

Но как же так? Обещали взять с собой; отец, когда ложились, еще сказал: "Спи давай, разбудим..." Выходит, забыли. А может, нарочно не разбудили? Посмеялись — и все...

Валерка грустно вздыхает и вдруг отбрасывает простыню. Кашель! Это отец! Значит, не ушел! Как и Валерка, он, наверно, только что проснулся. Мигом исчезает обида. Но почему Алешки не слышно?

Валерка соскальзывает на пол и, осторожно ступая босыми ногами, обходит шкаф, заглядывает в угол.

Алешка спит. Безмятежно посвистывает носом, на лбу у него рассыпались волосы, а острые локти поджаты к бокам, будто Алешка вот-вот вскочит и даст стрекача. Черная, словно сажей вымазанная, пятка высунулась из-под простыни.

Разбудить или не надо? Посмотрим теперь, кто соня. Скорее к отцу, собраться — и в лес, пусть Алешка догоняет.

Остановившись на пороге горницы, Валерка шепчет:

— Папанька, я проснулся…

— Молодец… А где Алешка?

— Спит… Говорил, что я просплю, а сам… Пусть догоняет теперь.

Отец подходит к окну, распахивает его; яблоневая ветка роняет на подоконник несколько крупных росинок; ветка качается, и, видно, хочется ей заглянуть в комнату, словно, иззябнув за ночь, она тянется к теплу.

— Значит, пусть догоняет?

В голосе отца слышится укор, и Валерка неуверенно отвечает:

— Так он же дразнился.

Отец закуривает. Дым уплывает в раскрытое окно медленно — ручеек за ручейком. Сквозь ветку проглядывает бледно-синий кусочек неба. Белеет, горбится отцовская рубаха.

Плохо получилось. Отец, наверно, рассердился. Валерка вздыхает. А отец вдруг подходит, ерошит волосы:

— Ладно, Валерий… Собирайся.

— Я сразу… И Алешку разбужу!

— Давай буди. Да скорей!.. Солнце скоро взойдет.

Оказывается, будить Алешку не надо: он уже здесь.

Щурится, зевает:

— Поспать не дали.

Проснулась и мама. Конечно, она сейчас начнет: "Поешьте… С собой возьмите". Пусть. Валерка все вытерпит, только бы скорее идти.

Умывшись, Валерка садится за стол, а на белой скатерке, закрывающей полстола, уже стоит полагушка молока, в миске — шаньги — вкусные ячменные лепешки на сметане. После еды он разрешает причесать себя, не возражает и против рубашки, хотя сегодня, наверно, будет жарко: барометр показывает "ясно". Но лучше не перечить. Зато, пока мать возилась на кухне, Валерка вытащил из корзины сверток с пирогом и оставил на этажерке, за книгами. Он это проделал так ловко, что даже глазастая Катька ничего не заметила; потом как ни в чем не бывало прошелся по чисто вымытому дресвой полу, по желтым луковицам сучков, принес швертбот и протянул Катьке:

— На… играйся.

Катька, не веря, несколько секунд не притрагивалась к швертботу.

— А... можно?

Валерка великодушно кивнул. Он не жадный, он идет с отцом и Алешкой в лес за ягодами, и ему ничего не жаль, даже швертбота.

Между тем наступает утро. Вовсю уже розовеют окна. Над поселком, над черной каемкой леса румянится небо, а облако, в стороне от поселка, смахивает на белый пенящийся ручей, но вдруг оно свертывается в лохматый ком снега, обрастает маленькими тучами, набухает и, удлинившись, превращается в голубого кита. Величественно покачиваясь на невидимых воздушных волнах, кит плывет к северу — в свои родные воды. Проходит минута, две и он исчезает в безбрежном небе, и все небо тотчас окрашивается в нежно-золотистый тон, и лес становится четче, строже, по верхушкам его пробегают быстрые солнечные блики.

Валерка не может оторваться от окна, но отец и Алешка торопят.

Они уже выходят из ворот, когда Катька, опомнившись, начинает хныкать:

— И я хочу...

Валерка ускоряет шаг, а отец задерживается:

— Чего она?

Мать тянет Катьку к себе, девочка пытается вырваться.

— Чего захотела... Нишкни!

Молодец мама! Скажи она "возьмите" — отец, наверно, взял бы и Катьку. А что потом с ней делать в лесу? Устанет — тащи ее.

Долго слышен Катькин въедливый голос. Отец досадливо морщится:

— Маленькая она… Надо бы уступить.

Голос Катьки постепенно стихает, и вот его совсем не слышно.

Валерка сбивает ногой ромашку, посматривая на молчаливого Алешку. Отец молчит тоже.

СПРЯТАЛСЯ

Поселок Белозерск — это две ровные прямые улицы без единого деревца. Дома выстроились рядами — добротные, обшитые плотным потемневшим тесом; дворы на добрую треть завалены поленницами впрок заготовленных дров: зимы здесь холодные, затяжные, и лишняя охапка топлива не помешает.

Задумчивые колодезные журавли мерно раскачиваются в рассветном тумане. Черные усы радиоантенн на крышах чуть-чуть пошевеливаются, словно ищут чего-то.

Воскресный день, а поселок уже проснулся. Скрипят воротца в пристройках к домам, пахнет первым дымком.

Алешка и отец ушли вперед. Валерка немного отстал. Заметив лежащего на крыльце Урагана во дворе соседей, он не может не крикнуть "Ату его, Ураган!" и весело смеется, когда собака, вздрогнув, будто ее ударили, вскакивает и острит уши, но, увидев Валерку, мчится к калитке. Валерка отламывает кусок шанежки.

— На!

Ураган на лету хватает.

Увидев бабку Михеиху возле колодца, Валерка хочет спросить, где их Семка, неужели спит еще, но отец здоровается, Валерка тоже здоровается и уже о Семке не спрашивает. Цепляя ведро к журавлю, бабка говорит:

— Здорово ночевали!.. За черникой? — Поглядела на небо. — Кабыть на ясень поворачивает. Хорошо в лесу нонче. Счастливо ходить, Петрович!.. И наши собираются, да долго возятся.

Она бы еще говорила, но отец, приподняв картуз на прощанье, идет дальше.

У поселкового клуба, приземистого, длинного здания, на щите белеет афиша. Как не задержаться здесь, не посмотреть, что сегодня будет в клубе? Может, артисты из Архангельска приехали? Вот если бы Северный хор — до чего поют ладно.

— "Максим Перепелица", — читает Алешка. — Кино.

— Перепелица? — повторяет Валерка. — А кто он, папанька?

— Солдат, наверно. Видишь, нарисован? Бравый-то какой… Вернемся — сходим поглядим.

— А успеем?

— Должны бы…

Отускоряет шаг. Ребята не отстают.

Последние дома — совсем новые; их не успели огородить, — и они, как гости, пришедшие издалека и остановившиеся у поселка, не знают, примут их или нет.

Сразу за поселком, на обогретом северным солнцем пригорке, — школа. Большие окна распахнуты, широкое крыльцо вымыто до воскового блеска.

Еще полсотни шагов — и поселок и школа остались позади.

Началась старая, наверно трехлетней давности, порубка. В траве чернеют круглые пни — такие большие, что каждый из них мог бы служить обеденным столом для целой бригады. Кое-где между пней дрожат от легкого ветерка молодые осинки.

А вот и новая, свежая порубка. Место здесь заболоченное, и лесорубы проложили лежневку — дорогу, устланную бревнами.

— Папанька, а твой-то участок где? — спрашивает Валерка, стараясь идти в ногу с отцом.

— Мой-то?.. Подальше. Видишь трактор? От него, считай, километра два.

— Мы попадем туда?

— Вряд ли. Там ягод не густо!

Бояров шагает широко, переступая кочки, ямки, сыновья стараются подражать ему. Дымок от отцовской папиросы плывет в воздухе белым ручейком, не тает.

— Папанька, а хлысты как грузят? Они же вон какие большие!

— Ну и что? Справляемся. Сначала лес валим.

— Я знаю. Пилками "Дружба", — сказал Алешка.

— Верно. Инструмент надежный. Главное — удобен для переноски. Так вот. Валим, а потом обрубаем сучья: летом — на волоке, а зимой — на погрузочной площадке. Это делают не вальщики, а обрубщики.

— Дядя Михей? Правда?

— Михей-то?.. Он не только обрубщик, он и тракторист… Грузим, значит, трелевочными тракторами на автомашины. И пошел на нижний склад.

— А потом?

— Потом лес сплавляют до зАпани. А там вяжут в плоты и в Архангельск гонят, на заводы.

— Вот интересно, — вздохнул Валерка.

Шли некоторое время молча. Потрескивали под ногами сухие ветки.

— Папанька, возьми меня в бригаду, — попросил вдруг Валерка. — На один день… Увидишь, ничего трогать не буду без спроса…

— Подрасти немного — возьму.

— Алешку-то брал.

— Алешку, — усмехнулся отец в усы. — Он большой уже. В четвертый перешел… В походы ходил…

— И я читать умею.

— Читать… Катька тоже скоро научится. А куда ее возьмешь? По ягоды и то мать не пустила.

Валерке нечему возражать.

Он, чуть пригнув голову, чтоб не задеть какой-нибудь низко свесившейся ветки, размахивает прутиком, ловко, сплеча сбивая серые шарики одуванчиков.

Лежневка скоро кончилась, и Бояровы вступили на едва приметную лесную тропинку.

— Не устали еще? — спросил отец.

— Нет, — с готовностью ответил Валерка, — нисколечко.

Время от времени он забегает вперед. Ему все интересно, словно он впервые видел утренний лес. И в самом деле, лес в это утро особенный.

В густую темную зелень оделись деревья. По полянам и склонам холмов купаются в утренней росе васильки, тысячелистник, колокольчики, кизляк кистецветный и льнянка. То тут, то там распускаются белые любки, сиреневые ятрышники, красные гвоздички, дремы, кукушкины слезы. В низинах густо зацвел лиловато-розовый вереск. Между кустов летают бабочки-лимонницы, темно-коричневые траурницы и самой неожиданной расцветки веснянки и перламутровки. Перекликаются, перелетают с ветки на ветку неугомонные дрозды и овсянки, горихвостки и славки.

Солнце теплой рекой течет сквозь ветви и мягко касается затылка, а песок заползает между пальцев. Хорошо смотреть и слушать, как сосны, одна стройнее другой, переплетаясь ветвями, тихо шепчутся. А черника, сочная, крупная, манит к себе из-под каждого кустика.

Пока отец и Алешка позади, Валерка успевает попробовать несколько горстей ягод, теперь и нос и губы у него иссиня-темные, в капельках сока подбородок.

Валерка убегает далеко вперед, за кустами не видно уже ни отца, ни Алешки. Но Валерка дорогу знает, собственно, дорожка тут одна. Вот она между пихт сворачивает в ложбинку, прячется в кустах и снова появляется на пригорке. Заблудиться невозможно. И Валерка бежит и бежит дальше по дорожке. А что, если спрятаться? Пусть отец с Алешкой поищут. А он подождет удобного момента, чтобы выскочить из-за куста перед самым носом у них. Вот будет потеха… У самой тропки куст, ни одна веточка на нем не шелохнется. Может быть, здесь?

Роса падает Валерке за ворот, растекается по спине. Обломилась веточка. Валерка достает ее зубами, откусывает, от горечи терпнет язык. Неподалеку бормочет ручей, светится его витая спинка, ручей словно торопится и, кажется, разговаривает с каждой травинкой. В десяти шагах дальше ручей меняет окраску, чуть-чуть темнеет.

Засмотревшись, Валерка не заметил, как отец и Алешка прошли мимо.

Ручей журчал по-прежнему успокаивающе, солнечный луч пытался проникнуть под листок, но это ему, наверно, было не под силу, и под листком образовалась зеленая тень, в ее прохладе нашел себе укромное местечко лесной жук.

Проходило время, а Валерку никто не искал. Пустынная тропка терялась в ложбине, и никого на ней не было.

Валерка оглянулся. Куст рябины протягивал к нему длинные крючковатые ветви. Валерке стало вдруг зябко, он больше не мог сидеть и, подхватив корзинку, закричал:

— Я ту-у-ут!

— У-у, — сразу же ответил лес. Эхо прокатилось по дебрям, постепенно замирая, дробясь на мелкие ручейки.

— Па-а-па!

От Валеркиного крика всполошенно взметнулась на сосне остроклювая пичуга и вмиг исчезла в игольчатой зелени.

Крик замер, никто не отозвался. Безучастный лес шумел тихо и монотонно, птичий грай был таким же, как и час тому назад, веселым и оживленным.

Валерка бросился бежать. Споткнувшись о пенек, упал, но сразу же вскочил и побежал дальше, в глубь леса, цепляясь корзиной за кусты, царапая руки и ноги. Сердце стучало гулко, стук его резко отдавался в голове. Во рту пересохло. Не смел оглянуться: а вдруг там, сзади, зверь?

Внезапно он услышал шорох. Сначала не поверил себе, замер, не смея оглянуться, но шорох повторился, сухой треск веток, покашливанье. Отец! Алешка! Они вышли из-за дерева и, словно ничего не случилось, приближались к нему.

— Ну как? — ухмыльнулся Алешка. — Спрятался?

И радость и досада — все вместе отразилось на лице Валерки. Хотел ответить: нечего, мол, смеяться, я вовсе не прятался — и промолчал. Но Алешка не отставал!

— Спрятался?

— Не липни! — прикрикнул отец. — Чего ему прятаться?

Валерка молча опустил глаза. Белесые, выгоревшие на солнце брови нахмурились.

— Правда, Валерка? Чего тебе прятаться?

— Он, наверно, язык проглотил со страху, — съязвил Алешка.

— А вот и нет! — Валерка показал брату синий от черники язык.

— Ого, длиннющий, — усмехнулся отец, — да синий… Лучше не показывай. — И шепнул, чтоб Алешка не услышал: — Не бегай больше один, а то… ягод не найдешь.

— Не буду.

— Договорились. Гляди, вичка. Колючая.

Валерка переступил ветку вереска, усыпанную колючими листьями.

Солнечные блики скользили по тропке, двигались, теплые, светлые. Трава стала гуще, и тропа вдруг потерялась, но отец уверенно вел ребят, минуя дороги и стежки. Чем дальше шли, тем гуще и темнее становился лес, но вдруг деревья расступались — и прямо перед глазами открывалась круглая, в солнечных бликах полянка. Кое-где сверкали и ягоды, но отец шел все дальше и дальше.

Валерка, успокоившись, хотел спросить, как получилось, что Алешка и отец оказались так близко от него, но отец остановился среди поляны и, сняв корзину с руки, сказал:

— А ну-тко попытаем счастья… Тут, кажись, уродило.

Вся поляна была щедро засыпана ягодами; они висели крупными гроздьями, чуть влажные, серебристые, полные холодного вкусного сока. Ребята никогда еще не видели столько ягод в одном месте и даже чуть-чуть растерялись.

— Сколько их тут!

Алешка принялся срывать ягоды обеими руками. Валерка старался не отстать от брата.

Скоро дно в корзинках покрылось росной черникой.

Тонкие Алешкины пальцы неутомимо, легко и ловко отрывали густые гроздья, не трогая при этом листьев. У Валерки так не получалось, к тому же ему казалось, что смятые ягоды в корзину класть нельзя, ну, а выбрасывать жаль, и он их ел. В конце концов Валерка успокоился: Алешку все равно не догнать, а ягод в лесу хватит и на его долю.

ЗАНОЗА

Прошли добрых пять километров, а может, и больше. Мальчики устали, но признаться в этом не хотели. Особенно трудно приходилось Валерке; словно невзначай, вцепился он в отцовскую корзину и, пошмыгивая носом, старался идти с отцом рядом.

Пройдена поляна, еще одна, позади остался холмик и глубокий, с крутым спуском овраг, и вдруг открылось озеро, самое настоящее лесное озеро. Берег его покрыт кустарником, у самой воды высятся две невысокие замшелые скалы. Стоят они рядом, чуть склонясь друг к дружке. Озеро омывает их, а вокруг шумят и шумят зеленые сосны. Светит солнце, едва пробиваясь сквозь ветви.

Отец расстегнул ворот. В озере чуть колыхнулось его отражение: угловатые плечи, короткие усы, острый подбородок.

— Выкупаемся! — в один голос воскликнули ребятишки. Пока они не видели озера с его мягкими тенями по берегам, не слышали, как весело с камушка на камушек, через корчаги, вылезавшие из земли, журчат

ручьи, они не ощущали лесной духоты. Но едва между кустов блеснуло озеро, едва они увидели его ближе, как духота стала невыносимой, не только идти, но и дышать стало невмоготу.

— Выкупаемся, да? — Валерка, не дожидаясь, пока отец разрешит, заметив лишь, что отец сделал едва уловимое движение, словно говорил: ладно, мол, давайте — сразу, боясь, что отец вдруг передумает, стал стаскивать с себя рубаху. Торопясь и не расстегнув все пуговицы, он никак не мог ее снять и потому сердился, рвал рубашку, и она не поддавалась.

— Что делаешь? А пуговицы? — Отец помог ему, и рубашка сразу же сползла с головы. Радостный, возбужденный, он похлопал себя по узкой груденке и, сняв портки, посверкивая черными пятками, побежал к озеру.

— Лешка, иди же!

— Сейчас. — Алешка, подпрыгивая на одной ноге, снимал с другой ботинок. — Я тебя догоню. Плыви.

— Погоди. Я сначала. А вдруг — ямы?

Отец составил корзинки, быстро разделся и, став с Валеркой рядом, сиганул с камушка головой вниз и тотчас скрылся под водой. Некоторое время его не было видно, только огромные радужные круги расходились во все стороны, и внезапно почти на самой середине озера выплыл, из воды показались его крепкие широкие плечи.

— Давай! — помахал рукой. — Плыви ко мне!

Огласив лес протяжным криком, Валерка с разгона упал на опрокинутые в озере деревья, разбил их отраженья, на части раздробил

стволы и ветви. Алешка обогнал его. Валерка старался не отставать и сердито звал:

— Лешка, погоди же…

Но тот будто не слышал и плыл по-отцовски легко, саженками. Отец моргнул ему, и Алешка вдруг замешкался, перевернулся на спину, шумно выдохнул воздух, а Валерка, радуясь этому, обогнал его и подплыл к отцу.

— Перекинь меня.

— Залезай на закорки.

Валерка тотчас взобрался отцу на плечи и — раз! — с радостным визгом опрокинулся навзничь и с головой ушел в воду. Выплыв, обернулся к Алешке:

— Видал как!

— Знатно.

Озеро сразу ожило, по воде запрыгали, заплясали солнечные блики — оранжевые, зеленоватые, светло-голубые. Заколыхались в таинственной глубине озера тени окружавших его деревьев и кустов, закивали друг дружке чубатыми растрепанными головами. Давно такого не видело заброшенное лесное озеро, и оно тоже радовалось, играло, гоняло круги.

Вдоволь накупавшись, Бояровы выбрались на берег и, уставшие, растянулись на освещенной солнцем полянке. Пообсохнув немного, перекусили. Когда кончили есть, Валерка предложил искупаться еще раз, но отец не разрешил, сказав, что пришли они сюда по делу, искупаться можно будет и дома, благо Пинега рядом. Освежились разок

— и хватит. Пора и в дорогу. Валерка не стал больше просить, но все-таки, перед тем как отправляться дальше, закатал как можно выше портки и на прощанье постоял в холодной воде, обрызгал с ног до головы зазевавшегося Алешку.

— У, противный, — погрозился Алешка, а Валерке хоть бы что — смеется, весело ему. Он бы не прочь и еще поиграть, но отец уже оделся, обулся и подхватил корзину.

— Пошли!

С явным сожалением уходили мальчишки от озера, от этих скал, поросших желтоватым мхом. Прыгать бы с них хорошо, только проверить надо, глубоко ли там, у подножья. И как тихо здесь, красиво. В тени скал цветет белокрыльник, а на озере желтеет кубышка, там и сям у берегов вспыхивает огоньками водяная гречиха.

Еще раз оглянулись — лес поглотил и скалы и озеро.

Время близилось к полудню, длиннее становились тени. Пора было и возвращаться домой. Конечно, к обеду, как обещались, уже не поспеть, но к вечеру, если поторопиться, можно вернуться и, может быть, даже сходить в клуб, кино посмотреть. Так думал Бояров и поторапливал ребят. А они следовали за отцом усталые и проголодавшиеся. Почти через каждые десять шагов Валерка перекладывал корзинку с одной руки на другую. Заметив это, Алешка хотел помочь ему и взялся за ручку, но Валерка сердито отстранился.

Лес в это время как-то притих, словно задремал, смежив зеленые веки. Даже птицы, утомленные от зноя, примолкли, только листья едва заметно шевелились, и тени, как живые, передвигались с дерева на дерево, с тропки на тропку, а меж ветвей таяло, истекая мягкой синевой и светом, небо.

Холмик и ручей у его подножья открылись неожиданно. Валерке сразу же захотелось пить, хотя он пил не так уж давно из лесного озера.

Бояровы подошли к ручью и вдруг увидели, что он огорожен самым настоящим заборчиком с воротцами.

— Глядите, забор! — воскликнул Валерка.

Позабыв, что он очень хотел пить, Валерка с интересом осматривал сооружение. И Алешка не мог удержаться, чтобы не потрогать колышки, какие-то петли.

— Зачем это? — спросил Валерка у отца.

— На птицу ставлено, — ответил Бояров. Он прдсел на корточки рядом с Валеркой.

— Видно, на рябчиков охотились, — уточнил Алешка.

— А как их ставят? — поинтересовался Валерка.

— Ну, ты все-таки сначала попей, — сказал Бояров, и, пока Валерка пил короткими быстрыми глотками, он сидел возле заборчика и рассматривал его.

— Тут порхОвище птичье. Знаешь, что это?

— ПорхОвище? — неуверенно переспросил Валерка и посмотрел на Алешку. — Ну где, наверно, птицы купаются?

— И пьют, — добавил Алешка.

— Верно… Здесь они и пьют. Охотник это и приметил, — продолжал Бояров. — Подойти к воде можно отсюда, вот тут — гляди сюда — и перегорожено на две части. А тут оставлены воротца, в них-то устанавливают петлю, силок, стало быть. Понял? Так.

— А как ловят?

— Рябчик сам ловится… Тут что еще важно? Силки бывают разные: со скользящим узлом, а то еще есть неподвижные… Лучше скользящий. Так, Лешка?

— Лучше, — ответил Алешка. — Мы с Петькой завсегда на скользящий ставим.

— Понял? Так… Потом забивают вот сюда — видишь? — два колышка: один гладкий, другой с зарубкой. На гладкий надевают длинный конец силка, а короткий прикрепляют к концу крючка, зацепленного за зарубку второго колышка. Другой конец колышка привязывают к жерди-перевесу… Понял теперь?

— Понял. — Валерка зачарованно смотрел на заборчик и вдруг попросил:

— Поставим силок. Ну один.

Бояров хорошо понимал Валерку, и, если бы позволяло время, он бы, наверно, не отказал ему, но пора было возвращаться домой. Солнце уже свернуло с полудня, низом, под лапами елей, тянуло свежим ветерком. Конечно, августовское солнце зайдет не скоро, но идти-то еще далеко.

— В другой раз, сынок. Домой пора.

Валерка обиженно засопел, поднял корзину.

— Когда это еще будет?

— В следующее воскресенье, — сказал Бояров, поднял ветку, отмерил на глаз семь-восемь сантиметров, срезал уголок.

— Возьми.

— Манок?!

— Он самый... А знаешь, как свистеть?

— Просто.

— Совсем не просто. Свистеть тоже надо уметь. — Бояров свистнул раз-другой, прислушался. Под ногами потрескивали ветки, сухие, словно после пожара, и вдруг где-то в стороне послышался свист. — Слыхал? Рябчик это. Получается у него примерно вот такое: пя-ять, пя-ять, пять те-те-ре-вей. Первые два "пять" длинные, а трель в конце короткая, с ударением на слове "пять".

— Правильно! — воскликнул Валерка. Он слушал отца с открытым ртом, боясь пропустить хотя бы слово.

— Но самое важное для охотника — научиться издавать конечную трель. Рябчик издает и такие звуки: ци-ци-ци.

— А я не слыхал.

— Прислушайся.

— А когда он летит, — сказал Алешка, — то свистит, ну, будто поет.

Так, разговаривая, Бояровы, наконец, выбрались из зарослей на большую поляну, на которой росли две опаленные молнией пихты. Отец и Алешка пошли быстрее, а Валерка отстал: ему хотелось посмотреть на белку, которая несла сосновую шишку, но, увидев, что отец и Алешка отошли далеко, бросился догонять их и тут же остановился: в пятку больно впилась колючка.

Он подцепил ее двумя пальцами и… сломал. А отец и Алешка были уже у края поляны. Валерка сделал несколько шагов, чтобы догнать их, но колючка еще глубже впилась в ногу, и, не выдержав, он вскрикнул.

Отец встревоженно обернулся:

— Что с тобой?

— Колючка.

Отец подошел к Валерке, опустился на корточки, попытался вытащить занозу и не смог — она засела глубоко.

— Вот проклятая.

— Смотрел бы лучше под ноги, — сердито сказал Алешка.

— Хорошо тебе — в ботинках.

— А кому говорили: надень туфли?

Валерка не ответил.

— Молчишь?

— Потише, петухи! — Отец разорвал пополам носовой платок и перевязал ногу.

— Вот так ладно будет. А дома вытащим занозу.

Валерка встал и, взяв корзинку, прихрамывая, сделал несколько шагов.

Алешка подобрал по дороге палку и подал брату:

— Возьми. Легче будет.

Валерка взял ее, и верно, с палкой стало гораздо легче идти.

Бояров пристально осматривал лес. По его расчетам, должен был начаться редкий сосновый подлесок, лет пять тому назад посаженный возле поселка, а тут что ни шаг, то лес гуще…

Валерка остановился. Опустил на землю корзину.

— Чего ты?

— Болит.

Останавливаться, делать привал? А там, гляди, повечереет, идти станет еще труднее, и кто знает, когда они доберутся домой, Маша будет волноваться. Бояров решил идти, чего бы это ни стоило. Валерку он понесет на себе.

— Полезай-ка.

Тот послушно взобрался отцу на закорки.

— Двинули.

В полном молчании миновали одну поляну, другую, а конца лесу все не было. Между тем подул ветер, на небе закурчавились первые облака, тени стали гуще.

Бояровы шли прямиком, без дорожек и тропинок; на их пути попадались то обросшие мхом пни между огромных сосен и пихт, то заросшие сырые буераки.

ЗАБЛУДИЛИСЬ

Поляна, на которой Валерка наколол ногу, появилась неожиданно. Ее легко было узнать по двум пихтам, обожженным молнией. На эти деревья они обратили внимание еще в первый раз: одно — с двумя огромными пальцами-пиками, другое — высокое и тонкое, как антенна.

Бояров осмотрелся. Поляна, как венком, окружена соснами и пихтами. То там, то здесь горят пижмы — дикие желтые рябинки, раскидистые донники, золотарники — "золотые розги". Место приметное. А если к тому же делать ножом зарубки на деревьях, то ничего не стоит отыскать эту поляну снова, даже в сумерки. И Бояров решился. Он опустил Валерку, поставил на землю корзину, застегнул на все пуговицы косоворотку, зачем-то снял картуз и сдул с него несколько сосновых иголок.

— Мы… кажется, заблудились? — спросил вдруг Алешка.

— Заблудились? — посмотрел на отца и Валерка.

Бояров составил корзинки вместе, наломал ветвей и сложил их возле корзин.

— Подождите тут, а я поищу дорогу… Только отсюда — ни шагу. Поняли?

— Поняли, — сказал Валерка и вдруг спросил: — А нельзя и нам? С тобой чтобы?

— Вы ж устали… И нога у тебя болит. Так мы всю ночь проканителимся. А сам я быстро найду.

Бояров достал из корзины остаток хлеба, рыбину:

— Вот поешьте. А я пошел…

Бояров прошел на край поляны, оглянулся — сыновья сидели друг возле друга и смотрели ему вслед. Валерка махнул рукой. Бояров остановился, подумал и… вернулся, подошел к ребятам, сел на кучку ветвей. Торопливо достал портсигар, закурил. Затянулся горьким дымком.

— Папанька, что ж ты? — спросил Алешка.

— А ничего. — Бояров бросил окурок, прижал его веткой, потом пощупал ногу Валерки.

— Ну как? Болит еще?

— Совсем уже не болит.

— А идти можешь?

— Могу.

Валерка встал, сделал несколько шагов. Идти он мог, конечно, но медленно.

— Ты думаешь, мы испугаемся? — спросил Алешка, хмуря белесые брови. — Или уйдем отсюда?

— Ничего я не думаю.

— Нет, думаешь.

Усевшись снова на ветки рядом с отцом, Валерка вставил и свое слово:

— Мы не забоимся с Алешкой. А ты скорей приходи…

Другого выхода не было: надо было идти, и чем скорее, тем лучше. Еще час-два — и лес поглотит предвечерний сумрак, а там и совсем завечереет, станет темно.

— Глядите же, ни шагу с поляны. Лешка, ты старшой, понимать должен.

— Понимаю…

— Боишься, будто мы маленькие, — сказал Валерка.

— Большие, конечно… Ладно, я пошел.

Бояров отошел на несколько шагов и оглянулся. Ребята сидели среди огромной поляны какие-то маленькие, одинокие. Он тут же успокоил себя: ну, что может случиться? Дорогу он, несомненно, найдет быстро. А пока ребята отдохнут, и идти им будет легче.

Бояров еще раз обернулся, помахал ребятам рукой:

— Я скоро вернусь! Ждите!

ПУСТАЯ ПОЛЯНА

Бояров шел быстро, почти не чувствуя усталости. Перепрыгивал поваленные деревья, взбегал на лесные пригорки, перешагивал ручейки. Осталось позади и болото. Когда кончились последние болотные кочки, началось редколесье, и Бояров понял: он на верном пути. Теперь скоро должны начаться первые порубки. Дальше идти незачем. Скорее обратно — на поляну, к мальчишкам.

Солнце клонилось к западу. Нежаркие лучи его пробивали густой зеленый сумрак, согревали лесной воздух. Под ногами потрескивали сухие ветви пихт и сосен, попадались богатые россыпи ягод. Бояров спешил, почти бежал, замедляя шаг только возле деревьев, на которых оставил метки. Еще издали он различал белые поперечные полоски на бронзе сосен.

Он обещал ребятам пойти с ними вечером в клуб, посмотреть новый фильм, нехорошо, если они опоздают. И Маша будет беспокоиться. Может быть, она тоже пойдет с ними. Завтра, в понедельник, он уйдет с бригадой на новый участок, а это далеко от поселка, надо будет новую лежневку делать, трактор переводить. Идет последняя декада месяца, а план валки не выполнен и наполовину. Будет ли по пятьсот кубов на брата? А слово давали, обещались, даже в газетке напечатали об этом.

Задумавшись, Бояров не заметил, как снова вышел к болоту. Под ногами прогибался мягкий податливый мох. Вдруг Бояров оступился и угодил меж кочек. Болотная тина охолодила ногу, наполнила ботинок. Он рванулся, стал на кочку и пошел осторожнее. Под сосной разулся, очистил ботинок от грязи.

От болота до поляны, по его расчетам, оставалось не больше километра. Это минут десять ходу. Бегом устремился дальше.

Потревоженные птицы взвивались над головой и, кри ча, оглушительно хлопая крыльями, улетали в глубь леса.

Что-то подгоняло Боярова, не давало остановиться, передохнуть.

Но вот он увидел опаленные молнией пихты, огнем полыхнувшие дикие желтые рябинки, цветки золотарника, багровой гвоздики и облегченно выдохнул: "Наконец-то!.."

Достал платок и вытер вспотевший лоб. Захотелось покурить, но лучше потом, возле ребят, он отдохнет и, конечно, подымит.

— Ребята! — позвал тихо.

Поляна молчала. Длинные ветви пихты шевелились под легким ветром. "Наверно, счрятались", — подумал Бояров. Он тихо вышел на поляну. Там, под пихтой, стояли две корзины с ягодами — его и Алешкина. Ребят же нигде не было видно.

— Алешка! Валерка! Где вы? Уж я вам задам... Погодите...

Бояров говорил негромко, почти спокойно, хотя тревожное предчувствие холодило грудь. Он обошел поляну, заглядывая под каждый куст, спрашивал тихо, словно мальчики стояли в трех шагах от него, за кустом или за деревом:

— Ну, что же вы?

Поляна будто онемела. Не шевелились кусты, поникла, окаменев, трава, закрылись ярко-желтые корзинки одуванчиков.

— Выходите. Будет уже — наигрались, и хватит, — попросил он и целую минуту стоял молча, прислушиваясь, не треснет ли ветка, не зашелестит ли трава.

Все оставалось по-прежнему. Только что же это? Поляна стала вдруг меркнуть, темнеть. И он закричал громко, как только мог:

— Валерка-а! Алешка-а!

— А-а, — покатилось по лесной чаще, перекатываясь по завалам и буеракам, и постепенно затихло.

— А-а-а! — отозвалось в самых дальних тайниках Пинежского леса.

Бояров стоял несколько минут, не в силах двинуться с места. Потом медленно пошел вокруг поляны, не удержался и побежал, делая все большие и большие круги и все время зовя Валерку и Алешку. Лес оставался глухим.

Между тем стало быстро темнеть, густая зеленая мгла наполнила лесную чащу. Еще час, может, два, и в лесу станет совсем темно. Надо что-то делать. Бежать в поселок, звать людей.

И, задыхаясь, почувствовав, как все внутри будто вот-вот оборвется, Бояров побежал.

Несколько раз он падал, сорвало картуз, но Бояров не стал искать его в высокой траве.

Он бежал и бежал по темному притаившемуся лесу. Дышал хрипло, с трудом. Пихты и сосны обступали его со всех сторон, кружились, неохотно уступали дорогу. Под ноги попадались какие-то корни, шишки, больно хлестнула по лицу колючая ветка, другая зацепила за ворот и разорвала его.

Наконец между сосен показалась длинная, узкая, как рукав, просека, еще минута — и он встал на лежневку. Застучали под ботинками бревна. Скоро, скоро поселок! Вот они, первые дома. Кто-то стоит у колодца, словно ждет его, воды не берет.

— Люди! — позвал Бояров, крик замер в пересохшем горле. — Люди! — позвал громче.

Женщина, бравшая воду, бросила ведро, и оно, дребезжа тонко и обиженно, покатилось по земле, заколыхался в палевом небе длинный журавль.

— Что там, Антон Петрович?!

— Дети… в лесу.

Женщина перебежала дорогу и застучала в соседние ворота, Потом дальше и дальше. Платок ее мелькнул у клуба.

И вот уже улицей, из дворов, от клуба бегут люди, и среди них сосед Боярова — Михей, тонкий как жердь, в белой праздничной рубахе с расстегнутым воротом.

— Что с ними?

— Где?

Несли с собой топоры, у некоторых — охотничьи ружья.

— Веди, Петрович! Скорее!

ВЕЗДЕ ЛЕС

Валерка так устал, что, опустившись на мягкие еловые ветки, мгновенно уснул.

Спал он неслышно, казалось, что он и не спит вовсе, а притворяется, ресницы — белесые, редковатые — чуть подрагивают, а сухие, в пятнышках черничного сока губы шевелятся. Но Алешка знал: брат спит по-настоящему, и решил не будить его до возвращения отца; он отошел подальше, осторожно наломал пушистых веток, сложил их рядом с Валеркой и прилег тоже.

Лес наполняли необычные звуки, и Алешка не мог из-за этого уснуть; он лежал лицом вверх, положив руки под голову, и слушал. Вот запела, как в дудочку задудела, пичужка, откликнулась другая, только голосок у нее иной — разливистей, звонче, потом в этот хор влился новый голос — побасистей. Красиво как! Лес шумел протяжно и легко, словно дышал, гудели верхушки сосен, они чуть-чуть колыхались, хотя ветра совершенно не было, а солнце золотило и плавило их, и казалось: еще секунда — и в густую траву потечет расплавленное золото и затопит все вокруг.

Алешка закрывает глаза — и шум становится гуще, каждая ветка поет. А может быть, Алешке все это кажется? Кто это? Не отец ли возвращается? Алешка приподнялся, чтобы посмотреть. На поляну села большая птица. Лебедь! Так близко лебедя он никогда не видел.

Вот здорово! Хорошо бы и Валерка посмотрел лебедя, но жаль будить его. Алешка во все глаза смотрит на птицу, очень белую и очень красивую, а та вдруг, взмахнув крыльями, легко взлетела над поляной и бесшумно уплыла в небо. Птица летела против солнца, и смотреть на нее было трудно: слепило глаза. Она становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла.

— Гули-гули! — позвал Алешка, как звал голубей.

— Ты чего? — спросил Валерка, проснувшись.

— Лебедь улетел.

— Лебедь? — Валерка совсем проснулся. — Что же ты меня не позвал? Я бы тоже посмотрел.

— Ты спал.

— И совсем я не спал… Я папаньку видел. Он звал нас. А его… волки не пускали. Стояли на дороге и не пускали.

— Да это ж сон… Привиделось тебе, — насмешливо хмыкнул Алешка.

— И ничего не привиделось.

Валерка неуверенно осмотрелся. Вокруг поляны стоял темный, притаившийся лес. Кто знает, что там, за этими соснами? Может, и в самом деле волки? Не лучше ли уйти, пока не поздно, уйти и поискать дорогу? Чего же сидеть и ждать? А ночь надвигается. Со всех сторон ползут полосатые тени. Колышутся кусты, как живые, протягивают ветви.

Валерка поспешно встал:

— Пойдем.

— А папаня?

— Папка, наверно, сам заблудился.

— Мы должны ждать, он вернется.

— А я пойду. Не хочу тут сидеть. Уже ночь скоро.

— Ну и что? Посидим. Когда я с вожатой в поход ходил, не то еще было.

— Не буду я тут сидеть. Пойду папаню встречать.

Валерка подобрал большую ветку, обдергал на ней листья и, оглядываясь на шевелившиеся кусты, пошел.

— Валерка!

Валерка не ответил. Он знал, что делает: Алешка не заставит его сидеть на поляне, а одного не пустит и, значит, тоже пойдет с ним.

— Погоди! Корзинку возьмем и воду. Пить захочется.

Алешка взял корзинку с ягодами, вложил туда узелок с недоеденной рыбой, бутылку с водой, потом вернулся, схватил Валеркину куртку, набросил на плечо.

Шли братья молча: Алешка с корзиной и курткой на руке, Валерка с палочкой.

Когда отошли на довольно большое расстояние от поляны, им вдруг почудилось: кто-то кричит. Они остановились, прислушались: лес угрюмо молчал. И вдруг снова прокатилось призывное "а-а-а", и снова все стихло.

— Валерка, знаешь что, — Алешку встревожило это подозрительное эхо, — я залезу на дерево и посмотрю, правильно мы идем или нет. Хочешь, и ты полезай.

— Не могу я… нога.

— Ладно, сиди.

Выбрав сосну повыше, Алешка проворно взобрался на нее. Валерка, задрав голову вверх, смотрел на брата:

— Ну что?

— Сейчас.

Ухватившись за большой сук, Алешка внимательно осматривал лес. Вокруг на многие километры простиралось зеленое густое море. Далеко-далеко лесная кромка сливалась с горизонтом, образуя одну сплошную черную линию. Хоть бы след селения, хоть бы дымок какой-нибудь — нигде ничего.

В стороне, противоположной от солнца, Алешка увидел громадную тучу. Она медленно надвигалась, и было очевидно: не пройдет и часа, как все небо станет темным. Если запад там, где багровое солнце нацепилось на зеленые пики леса, подумал Алешка, то, само собою разумеется, север справа от него, а раз так, то все ясно. Алешка отчетливо вспомнил, как учитель Петр Никодимыч учил определять по солнцу, где север, а где юг, вспомнились даже его глуховатый голос и смешная привычка подергивать себя за правое ухо… "Хорошо, я знаю, как идти, — шептал Алешка. — Наш Белозерск на севере, потому что лес, если идти от поселка, на юге". Он пожалел: зачем послушал Валерку и оставил поляну? Но что случилось, то случилось.

Алешка слез с дерева.

— Везде лес… И знаешь что, Лерка, пойдем лучше на ту поляну, где мы сидели… Папаня туда, наверно, придет…

На этот раз Валерка ничего не возразил: он очень устал, и хотелось верить, что там, на поляне, их ждет отец.

ДЕЛИТЬ ПОРОВНУ

Валежник цеплялся за ноги и кололся. Дохнул сыростью неожиданно открывшийся овраг. Переплетенные ветви рябины не давали идти, и приходилось разрывать их, чтобы расчистить дорогу. Какая-то ветка царапнула Алешку по лицу. Тропка вела все выше и выше и, когда она, наконец, кончилась и между деревьев появился просвет, Алешка облегченно вздохнул:

— Ну все.

— У меня нога болит.

— Потерпи. Уже скоро.

И вот овраг остался позади. Предвечерний свет окрасил листву в бледно-розовый цвет.

— У тебя кровь, — испуганно уставился на брата Валерка, — на лице…

Алешка мазнул рукой по лицу:

— Сейчас подлечим.

Вырвал пучок травы, поплевал на нее и тщательно вытер царапину:

— Ну как?

— Все.

В поисках поляны прошло несколько часов. И когда, наконец, увидели знакомые уже опаленные пихты, радости особой не испытали — на поляне никого не было. Разве могли они знать, что час назад здесь был отец?

— Никого нет, — огляделся Валерка.

— Никого.

В небе проклюнулись первые звезды. Им не было никакого дела до заблудившихся мальчишек, они даже подмигивали, совершенно равнодушные к земным переживаниям и тревогам.

— Алешка, я… спать хочу… и есть.

У ребят осталась одна рыбина, полхлебца и ягоды. Можно перекусить. Но главное — отдохнуть не мешает. Валерка еле плелся, у Алешки ноги тоже как ватные.

— Поделим на сегодня и… на завтра.

— А зачем? Что мы — зимовщики?

— Кто знает. Петр Никодимыч всегда говорил: думай и про завтрашний день. Понял?

Валерка не стал больше возражать: делить так делить. Алешка на глаз отмерил половину хлеба и разломал, потом разделил рыбу. Братья неплохо подкрепились, закусили ягодами. Валерка даже похлопал себя по животу:

— Как барабан.

— Отчего это?

— От ягод, наверно.

— Заболеешь, поменьше есть надо.

Валерка понимающе кивнул: он тоже знал об этом.

— Выпьем воды, — предложил Алешка и достал из корзины бутылку.

Выпили по глотку воды, и Алешка вставил бутылку обратно в корзину. Вдруг почти над самыми головами ребят бесшумно пролетела огромная серая птица. Казалось, она едва не задела их широченными крыльями.

— Что это? — прошептал Валерка. Он встал, потянул куртку. — Уйдем отсюда… Вон — еще.

Это были совы, летевшие на ночной промысел. Большие, бесшумные.

Алешка не возражал, быстро собрался, дал Валерке палку.

— Пошли.

Сколько прошло времени, как они оставили злополучную поляну, сказать трудно, но шли они довольно долго, пока лес не окутала синяя вечерняя мгла.

— Нога болит, — взмолился Валерка. — Посидим, Лешка.

Они были на маленькой полянке, гораздо меньше той, откуда бежали.

— Давай здесь.

Наломали веток, сложили их под кустом, в головах поставили корзинку.

Тихо стонал лес. Меж ветвей появился серый шар луны. Внимание ребят привлекла странная птица; прижавшись к коре, как бы слившись с поверхностью ствола, птица сидела совершенно неподвижно, и казалось — она часть дерева. Но вот заблестели ее до того почти закрытые глаза: наверно, она заметила мальчишек. Красивый темный глаз ее смотрел пристально, птица насторожилась. Валерка шепнул:

— А что она сидит так? Лешка, слышь?

В ту же минуту птица быстро и бесшумно взлетела, у нее были длинные и острые крылья, а летела она каким-то танцующим полетом, и вдруг тут же села на кучку хвороста, и… пропала. Прошло минуты две, и до слуха ребят донеслось "тр-уэрр", "уэрр", "уэрр" и еще — "фюрр".

— Это же козодой, — сказал Алешка. — Чудная какая, правда? Она любит слепней всяких, что возле коров собираются, а раньше думали, будто она коров доит или коз. Вот и пошло: козодой да козодой.

— Выдумали на нее.

— Ну да, выдумки… Петр Никодимыч говорил: козодой — ценная птица.

— А куда она девалась?

— В хворосте или на дереве… Она же цветом на кору похожа.

Ребята помолчали. Лес наполняли глухие вечерние звуки, и голос козодоя потонул в них.

— Найдет нас папка? — спросил вдруг Валерка. — Темно тут и кусты какие-то… плохие.

— Почему плохие?

— Лохматые очень.

Чтобы успокоить себя и брата, Алешка сказал, что кусты здесь обыкновенные, такие же, как у них в Белозерске, а отец, чтобы идти ночью, наверно, фонарь возьмет с собой и обязательно найдет их. Они утром проснутся, и отец придет.

— А какой фонарь?.. "Летучую мышь"?

— Ага, мышь, — уже засыпая, сказал Алешка.

ВЕРТОЛЕТ

Мальчики проснулись почти одновременно: Алешка повернулся на бок, нечаянно толкнул Валерку — и сна как не бывало.

Алешке показалось, будто кто-то следит за ними. Он присмотрелся к дереву: на ветке сидела белка и черными любопытными глазами поглядывала на мальчиков, но вдруг метнулась вверх и пропала, только закачались зеленые иглы.

Всю поляну густо усыпала роса, почти на каждой травинке блестели сизые, будто окаменевшие росинки. Но тут Алешка вспомнил все, что произошло с ними вчера, и лес сразу потускнел.

Валерка, сидевший рядом, протер кулаком глаза, горько вздохнул:

— Не нашел нас папанька… А ты говорил — найдет.

— Не нашел, — невольно подражая брату, вздохнул и Алешка.

— И фонарь не помог.

— Какой фонарь?

— Ну вот… "Летучая мышь". Сам же говорил.

Рассвет приходил медленно. Над лесом вставало солнце, наверно хорошо отдохнувшее за ночь. Послышалась короткая трель зорянки-малиновки. А вот и она сама под соседней сосной мигнула оранжевым передничком и юркнула в чащу. Раскрылись повернутые к солнцу цветки козлобородника. Алешка заметил их сразу, как только проснулся. В другой раз, в другом месте он бы, может быть, обошел поляну, высмотрел бы все-все. Теперь же не до этого.

— Домой хочу, — всхлипнул Валерка. — Идем, Лешка… Идем же!

— Сейчас, вот сейчас. Только… в какую сторону идти?

Сказал и пожалел. Нельзя говорить так. Ведь он, Алешка, старшой, отец всегда ему это говорит, а как поступил? Не послушался отца, не дождался его там, на большой поляне, у опаленных пихт. Валерку послушал, а надо было не уходить и Валерку не отпускать. Уговорить как-нибудь, а не помогло бы — заставить. Эх! Какой же он, в самом деле, старшой? Ему тоже хочется скорее домой и боязно чего-то. Но он не заплачет и Валерке не даст хныкать. Они вот соберутся и пойдут. Идти им надо на юг, потому что там их поселок, Белозерск. Солнце взошло там, а юг, значит, правее.

Алешка вложил в корзинку бутылку, узелок.

— Пошли.

— А… ты знаешь, как идти?

— Прямо и прямо.

Стало совсем уже светло. Лес зашумел, травы, напившись росы, посвежели.

— Лешка, а… хлеб остался?

— Хочешь?

— Ага.

Алешка развязал узелок, в котором хранились остатки рыбы и кусочек хлеба — все их богатство. Поделил поровну.

Мальчики тут же, на поляне, съели и рыбу и хлеб. Завтрак был, конечно, скудный, и ребята пожалели, что, уходя из дому, они не взяли с собой больше еды, надо было послушаться маму и взять с собой все, что она предлагала. Валерка ухитрился даже оставить сверток с пирогами и еще радовался: вот он какой ловкий!

Вспомнив о матери, Валерка сказал:

— А мамка говорила, останься, а я… пошел.

Низко нагнув голову, Валерка подозрительно засопел.

— Что ты, Лерка? Вот еще. — Алешка вытер Валерке нос. — Скоро найдем дорогу и… и дома будем.

— К обеду? Да, Лешка?

— Может, и раньше.

— К обеду бы хорошо.

— Может, и поспеем… Только не вздумай реветь.

— Я не реву. — Валерка ладошкой вытер глаза и усмехнулся: — Видишь?

— Молодец.

Алешка шел впереди, Валерка — за ним. Когда кусты были слишком густые, они их обходили, обминали завалы, из встретившейся по пути длинной узкой ложбины долго не могли выбраться — она сплошь заросла колючим вереском. Алешка стал замечать, что Валерка отстает. Почему это? Никак захромал?

— Что ты? Устал?

— Нет, — буркнул Валерка.

— Ну-ка, показывай ногу, — потребовал Алешка. Оказалось, место накола, засорившись, покраснело. Ни слова не говоря, Алешка принялся снимать свои ботинки. — Надевай.

— А ты как?

— Так и буду.

— Не хочу.

— У тебя ж нога болит. Думаешь, не видал я, как ты шел? И… кто старшой? Я или ты? Помнишь, что папанька говорил?

Валерка никогда не видел Алешку таким серьезным и взрослым. Он с удивлением посмотрел на брата и, сопя, стал надевать ботинки; они были явно великоваты. Алешка отдал и носки — и ноге стало не так просторно. Валерка встал, потопал — ничего, и он веселее взглянул на брата:

— Не болит теперь совсем.

— Совсем?

— Правда, не болит.

Алешка взял корзинку на руку, положил в нее пустую бутылку, Валерка надел куртку, и они пошли.

Через каждые десять-пятнадцать шагов Алешка останавливался, поджидая отстававшего брата. Он делал это незаметно, будто искал чего-то.

В большом овраге, протянувшемся, может, на три километра, ребята увидели ручей, вода в нем была чистая, светящаяся зеленым светом.

При виде ручья, конечно, сразу захотелось пить.

— Сначала я напьюсь, — придержал брата Алешка. — Не спеши.

— А почему ты?

— Так надо.

— Почему ты всегда первый и первый?

— А вдруг ручей отравленный? Понял?

Алешка зачерпнул воды пригоршней и сделал глоток: нет, вода оказалась свежей, холодной, резко пахнущей хвоей.

— Можно. Пей.

Алешка наполнил бутылку. Валерка напился тоже.

— Может, умоемся? — предложил Алешка.

— Сначала ты, а потом я.

— Ладно, — усмехнулся Алешка. — Хитришь?

— Ты старшой, сам говорил.

— Хорошо. Только давай и ногу промоем. Это вода знаешь какая? Лекарственная, наверно. Из-под корней идет — чистая-чистая.

Валерка послушно разулся, и Алешка тщательно промыл ему ногу, намотал на нее платок, в котором раньше хранили хлеб. Потом, умывшись, вытерся краем рубашки. Валерка, как и Алешка, стал на колени, брызнул в лицо, улыбнулся.

— Хорошо как!

Внезапно над головой у ребят задрожали деревья, гул нарастал с каждой секундой. Что это? Не гроза ли? Прошло несколько минут — и

вот прямо над ними появился самолет; он летел очень низко, над самыми верхушками сосен и пихт, будто пересчитывал их.

— Что это он? — спросил Валерка.

— Это не самолет, — шептал Алешка. — Это… это… вертолет…

— А чего ему надо?

— Ищет кого-то. — У Алешки перехватило дыхание: — Ну да! Нас ищет!

Подняв над головой руки, он что есть силы закричал:

— Э-гей! Там! Слышите!

Валерка кричал тоже, махал какой-то веткой, бросал ее, на лету подхватывал и снова бросал и кричал.

Вертолет пролетел мимо, покачивая крыльями, будто выбирал место для посадки.

— Скорей! — крикнул Алешка и бросился стремглав вслед за вертолетом по лесу. Он бежал, царапая о ветки лицо и руки, пока не задохнулся от усталости, а вертолет, набирая скорость, скрылся за верхушками деревьев.

Валерка ковылял следом, стараясь не упустить из виду синей Алешкиной рубашки.

ПОИСКИ

Братья не ошиблись: вертолет в самом деле искал их, но в огромном бору летчик не заметил ребят.

Поиски начались сразу, как только Бояров прибежал домой. Из поселкового Совета позвонили в районное отделение милиции, сообщили о случившемся в Архангельск, и оттуда выслали вертолет…

Бояров вел одну из самых больших групп. Он в десятый раз рассказывал, как все случилось, и товарищи в десятый раз выслушивали его.

Часам к двенадцати ночи вышли на поляну, где Бояров оставил сыновей. Там стояли две корзинки с ягодами, валялись сухие ветви, возле них — рыбьи кости. Принялись изучать следы, и стало понятно, что мальчики возвращались на поляну, потом ушли снова. В лесной чащобе следы их пропали. Искать ночью в лесу пропавших ребят — все равно, что искать иголку в копне сена, и поэтому скрепя сердце решили дожидаться рассвета.

Бояров всю ночь не смыкал глаз, сидел, привалясь к дереву, чуть что, подхватывался, в каждом шорохе чудились ему шаги, голоса сыновей, и он будил товарищей, и те тоже вскакивали, но, походив вокруг поляны и убедившись, что Боярову все это показалось, ложились снова.

О чем только не передумал он в эту ночь!

Не надо было уходить от ребятишек, горько укорял себя Бояров, лучше б он остался с ними, заночевал, а на зорьке они бы вместе отправились на поиски дороги. Как он не догадался так сделать? Пожалел их, хотелось скорее найти дорогу и прийти домой. А что получилось? Но ведь ничего плохого не случилось. Почему он изводит себя? Он и Маше так сказал: мальчишки, наверно, пошутили над ним, спрятались, чтобы их поискали. Маша так и думает. Но если

разобраться, шутка получилась не очень хорошая — более суток их нет, весь поселок на ногах, а результатов никаких. Может, они к вечеру найдутся. Не будут же они и вторую ночь в лесу. Куда же им деваться? И ничего плохого с ними не случится. Мальчишки его не какие-нибудь кисели, испугать их не так просто. Алешка и в переделки попадал не раз и ничего — выкручивался. Он и Валерку не оставит.

И тут вспомнилось ему, как в прошлом году в начале апреля шел он под выходной с участка. Намотался за день порядком, устал. Снег еще не везде растаял, а на Пинеге лед уже тронулся. Слышно, как льдины крушат друг дружку, словно торопятся поскорее убраться в Двину Северную, а там, может, и в море Белое добраться.

Ничего не подозревая, подходил он к дому и вдруг услышал крик. Пронзительный — будто на пожар. Со всех ног через огороды, перепрыгивая низкие частоколы, бежали к нему поселковые мальчишки, и впереди всех — Семка, Михея Алехина сын. Такой же, как отец его, длинноногий, длиннорукий.

— Дяденька Антон!

Сердце так и екнуло:

— Что?

— Лешка тама!.. На льдине…

Сдирая кожу на ладонях, выдернул из загородки жердь, какая попалась, и побежал, позабыв об усталости, не разбирая дороги. Мальчишки — вслед, а Семка — рядом.

— Вот он!.. Глядите!

Взломав ледовую одежду, Пинега медленно, с трудом несла на себе тяжелый зимний груз мимо поселка, на широкий простор, дальше к Двине. Бояров сразу увидел синевато-белую с заостренным носом и ребристыми краями льдину. И Алешку. В расстегнутой куртке, в стареньких стоптанных сапогах, в шапке-ушанке с поднятыми крыльями. Он не звал на помощь, не кричал; не обращая внимания на суетившихся на берегу мальчишек, он выбирал льдину, на которую собирался перескочить. Бояров, не отставая ни на шаг, перепрыгивая увалы на берегу, неожиданно заметил, что у Алешки одна рука занята, он прижимал к куртке что-то черное, живое. Щенка! Вот оно что.

Идущий рядом Семка, чуть не плача, говорил, что, если бы он знал, ни за что не спорил бы с Алешкой, он не знал, что Алешка такой отчаянный.

Бояров собирался побежать, прыгнуть на Алешкину льдину, которую могли смять, изломать более мощные льдины, она могла и вовсе пойти под воду. Произойти это могло в каждое следующее мгновенье, и тогда… Но Алешка не зевал. Мальчишка зорко следил за беспрестанным движением льда; заметив, что его льдина кренится, готовая нырнуть под другую, он, не раздумывая, сиганул и встал на соседней льдине. Неловко припав на колено, все так же крепко прижимая к куртке щенка, перепрыгнул на третью — уже ближе к берегу. Но до берега было еще далеко. И Бояров прыгнул на проходившую льдину, огромную, как плот, и протянул жердину. Но сын не достал ее. Бояров, видя, что Алешка замешкался, не удержался и закричал:

— Льдина слева. Чего стоишь? На нее сигани. Кому говорю?

— Не бойся, папанька.

Ветер донес эти слова в точности. Бояров помнит их, будто они сказаны только сейчас. Алешка успокаивал его, а сам упорно добирался к берегу, расчетливо выбирая самый короткий и надежный путь.

Наконец он ухватился за протянутую жердь и, поскользнувшись — Бояров слишком сильно потянул ее к себе, — упал, но уцепился за прибрежный уцелевший еще ледок и выполз. Бояров, стоя по пояс в воде, подхватил его на руки вместе со щенком и понес. Алешка скользнул на землю, сказав, что лучше побежит, и, обернувшись к не отставававшим ни на шаг мальчишкам, подняв над головой дрожащего щенка, крикнул:

— Хорош, а?

Потом уже выяснилось, что, увидев щенка, каким-то образом попавшего на льдину, Алешка забеспокоился и сказал, что надо спасти его, жалко, пропадет; Семка Алехин усомнился, что это можно сделать, никто, мол, не осмелится в ледоход лезть за щенком, Алешке слабо это и подумать. Семка бежал теперь рядом, в сбитой на сторону шапке, с высунувшимися из куртки красными руками, восхищенно смотрел на щенка и просил дать ему понести, отряхивал с Алешкиной куртки крошки льда.

Такой Алешка. И всегда таким был, с малолетства. А Валерка подражает ему, хотя иногда и старается доказать свою самостоятельность. И все же они — дети. Что они видели в жизни? Что испытали? А у северного леса никакой жалости к слабому и неопытному нет. Каждый куст, овраг, болото, каждое дупло в дереве таят опасность…

Прошла бессонная, тревожная ночь.

С первыми лучами солнца проснулись товарищи, они собирали свои котомки, а Боярову казалось: слишком медленно они это делают.

Растянувшись на несколько сот метров, осматривали каждый кустик; скоро услышали, что где-то слева от них идет еще одна группа.

Время от времени перекликались. Эхо неслось по лесу, тревожило утреннюю тишину.

Поиски продолжались целый день. Но они ничего не дали. Не помогла и собака из угрозыска: на второй день, как ни бились, взять след она не могла. И все-таки людей не покидала надежда отыскать ребят. Все группы остались ночевать в лесу и вторую ночь.

ШАЛАШ

Они поспорили. Валерка хотел идти по Сюзьме вниз, Алешка тянул его в обратную сторону: Белозерск, мол, там, в верховьях, где Сюзьма впадает в Пинегу, и, значит, идти им надо вверх по Сюзьме.

— Не пойду! — стоял на своем Валерка. — И не тащи меня. Все равно не пойду.

— Почему? — Алешка так рассердился, что готов был броситься на брата с кулаками. Валерка всегда такой — упрямый, наперекор делает. Сколько раз уже попадало ему за это.

— Потому! — крикнул Валерка. — Сам не знаешь, куда идти, а говоришь.

— Что я говорю?

— А то, что дороги не можешь найти… А я знаю, куда идти… Вниз…

— Нет, вверх! — Алешка поставил на землю наполовину пустую корзинку, потащил за рукав Валерку:

— Смотри, куда она бежит?

— Не тащи меня.

— Нет, смотри. Там, где-то у поселка, она впадает в Пинегу, значит, там и должен быть поселок… И чтоб ты знал, к северу она бежит. И Пинега и Двина на север бегут. Я-то знаю…

— Там лес черный какой-то. И дороги нет. А здесь тропинка.

— Дорогу найдем.

— Ну ищи. А я сам… сам пойду.

— Ну и ладно.

Опираясь на палку, Валерка поковылял берегом реки вниз.

Маленький, в больших ботинках, он показался Алешке особенно жалким. Фуражка сползла на затылок, серая бахрома штанов треплется о ботинки…

Он упорно шел и шел дальше, и вот уже его куртка не видна за кустами. Он ни разу не оглянулся, словно был уверен, что брат все равно пойдет за ним. И он не ошибся. Алешка вдруг подумал: может быть, Валерка прав, может, он лучше запомнил дорогу в поселок? Вздохнув, поднял корзинку.

Поравнявшись, братья шли молча. Спустились в овраг. В глубине его было сумеречно, сыро и тихо, только чуть-чуть шевелилась густая листва на вершинах осин. Но как ни заливало лес предвечернее солнце, как ни безоблачно было небо, а от всего окружающего — вихорка высохших былинок у края оврага, сломанной ветки, зарослей колючего шиповника с белыми и розовыми цветками, — от всего веяло чем-то давно покинутым, пустынным, и потому ребятам хотелось скорее выбраться из оврага, чтобы снова быть ближе к Сюзьме.

Вдруг они остановились. Братьям почудился крик — будто кого-то звали. То угасая, то густея, эхо катилось лесом и глохло, замирая где-то очень далеко.

— Слышишь? — спросил Алешка.

— Ага.

— Зовут кого-то.

— Может, нас?

Алешка приставил руку ко рту и что было сил крикнул:

— Мы ту-ута-а!

— Мы… Мы здеся! — закричал и Валерка.

Из-под ног, из сухой травы вспорхнул вспугнутый жаворонок и, покружив над оврагом, улетел.

Несколько раз Алешка отвечал на крики, а они слышались то очень далеко, то совсем рядом. В какой стороне кричали, определить было трудно, потом все затихло. Постояв еще немного, мальчики, выбравшись из оврага, снова пустились в путь — вниз по Сюзьме.

Приближался вечер. Густой красный свет до краев наполнял лес. На выгоревшем пригорке алел седоватый белоус, из осоки на берегу выкинулись багровые султаны плакун-травы. Тихо шелестели желтеющие тростники.

Ребятам очень хотелось есть, но хлеба не было — его съели еще утром. Набрав горсть ягод, они ели их на ходу. Пили из Сюзьмы — благо вода была чистая и приятная на вкус.

Вечер застал их в том месте, где Сюзьма распадалась на два рукава. Ребята остановились. По какому рукаву идти? Левый рукав — поуже, правый — шире. Им почему-то приглянулся приток поуже, и они свернули влево. Впереди расстилалась сплошная чаща, темная и густая. Было тихо. Так бывает перед грозой, и предчувствие не обмануло ребят. Вдруг над лесом сверкнула молния, глухо заурчал гром.

— Дождь будет, — сказал Алешка.

Дальше идти — от дождя все равно не убежишь, значит, прятаться надо здесь где-то.

Налетевший ветер рванул вершины деревьев, и они загудели на разные голоса — тонкие, сиплые, густые и трубные. Свет молнии и наступившая сразу после этого темнота ослепили.

— Валерка! Где ты?

— Тут я.

Алешка протянул руку, нащупал Валеркино плечо. Снова сверкнула молния, осветила поляну и в конце ее большой разлапистый куст. Хорошо бы укрыться под ним — дождь вот-вот хлынет. Алешка принялся ломать ветки.

Одна слишком большая ветка никак не поддавалась.

— Помоги мне.

Валерка навалился тоже, и ветка затрещала, отвалилась.

— Шалаш сделаем! Правда, Лешка? — торопился Валерка.

— Сделаем… Помнишь, какой у нас был на огороде? Папанька еще нам показывал, как колья ставить.

Конечно, Валерка помнил, но он ничего не ответил, он был занят, изо всех сил старался помочь Алешке быстрее наломать ветвей. Потом ребята забили в землю колышки; Валерка держал, Алешка колотил увесистым корнем. Покончив, наконец, с этим, обложил колышки ветками. Веток набросали и в середину шалаша.

Первые стремительные капли засвистели в вершинах деревьев, а ребята в это время клали последнюю ветку на свое сооружение.

— Все! — воскликнул Алешка, очень довольный. — Залезай!

Валерка ползком забрался внутрь. Алешка вполз следом. Было тесно, темно, но это — полбеды, главное — не текло за шею.

— А куртка где? — вспомнил Алешка.

— Там.

— Я сейчас.

Алешка выбрался из шалаша и при новой вспышке молнии увидел корзину и куртку.

Схватить их — дело минутное, но Алешка успел промокнуть: дождь хлестал, как из пожарного шланга.

Пришлось снять и хорошенько выкрутить рубашку.

Укрывшись курткой, братья лежали так тихо, словно опасались, что их заметят и выгонят из шалаша на дождь.

О чем только не думается в такую ночь, чего только не примерещится! Валерке казалось, что на их шалаш движется какой-то косматый зверь, и он старался натянуть куртку на голову, почти совсем стаскивал ее с Алешки. Тот тащил на себя, Валерка не давал и все старался укрыться с головой.

— Бери ее себе. Всю бери… Я и так могу.

Алешка отдал куртку Валерке, и некоторое время тот лежал молча, потом высунулся из-под куртки:

— Не надо мне, — и накрыл одной полой Алешку.

— Как хочешь.

Алешка думал о том, что в это время все люди на земле спят по домам, только они с Валеркой здесь, покинутые и голодные. Но не может быть, чтобы их не искали, их, наверно, ищут даже теперь, в эту непогодь. От этих мыслей становилось спокойнее.

Долго мальчики не могли уснуть, ворочались; еловые ветки, как их ни перекладывали, кололись, давили под бок.

— Противные, — не выдержал Валерка.

— Уж и противные.

— А то нет?

— Конечно, мамка бы тебе подушечку подложила помягче…

Валерка ничего не ответил; только вздохнул и уже не жаловался на ветки. Алешка прислушивался, как шумит по лесу дождь, словно мчится по зарослям что-то живое, огромное. Может быть, так бежит вспугнутое стадо лосей, а может быть, с таким гулом где-то проносятся скорые поезда.

— А мама тоже не спит, — сказал вдруг Валерка. — Правда?

— Правда.

— Нас дожидается. А мы…

Валерка не договорил, голос его задрожал, он ткнулся носом в плечо Алешки и затих.

— Ну вот… раскис.

В темноте Алешка нащупал Валеркин нос, подбородок — они были влажны.

— Не надо, — успокаивал брата Алешка. — Вот утра дождемся, светло станет, и мы пойдем… Найдем дорогу и придем домой. Мама, наверно, пирогов напекла, шанежек нам оставила.

Валерка всхлипнул и, заикаясь, сказал:

— Я… я, Лешка, х-хлеба хочу с-с… луком и с-солью.

— Чудак человек, — хмыкнул Алешка. — Ему про пироги, а он…

Чуть погодя Валерка легонько толкнул в бок брата:

— А как ты в лесу ночевал? Помнишь?

— Когда в поход ходил? — живо переспросил Алешка. — Рассказать?

— Ага. Только тише говори.

— А что?

— Они, знаешь, какие ухатые.

— Кто?

— Волки.

— Их тут и близко нет. Чего им тут надо?.. Лучше слушай, — сказал Алешка и кашлянул в кулак. — В нашем отряде было девять человек. Ну, Петька Лужанин был, Санька Смородa, Игнашка Петелин.

— А Утка ходил?

— Кто такой?

— Колька.

— Еще чего… Он же во втором классе.

— А хвастал: пойду, говорил, с вами.

— Мало чего… Ну вот. Пошли мы утром в воскресенье. Петр Никодимыч с огромнющим рюкзаком, удилища у нас, как пики.

— А компас был?

— И компас. Лужанин котелок взял, Смородa — чайник. Каждый что-нибудь тащил.

— А ты?

— Я топорик захватил… Ну вот, идем мы да идем. Пообедали. Сами варили. Потом на Чудь-озере рыбу удили… А потом снова шли. Учитель про лесных птиц рассказывал и про травы. А когда отдыхали, про партизан рассказывал, про Павлина Виноградова. Знаешь, как он воевал против беляков?

— Смелый был?

— Очень. И сильный… В одном бою один против целой сотни дрался.

Валерка схватил Лешку за руку:

— Ну и как?

— Убили его, а он все равно не сдался.

Ребята несколько минут прислушивались к лесному шуму. Дождь не утихал, но стал как-то ровнее, спокойнее.

— А потом?

— Потом пошли дальше. Учитель впереди, а вожатая наша в конце, кто отстал — она подсобит. Вытянулись гуськом, друг за дружкой. Дорогу по компасу находим, как следопыты какие-нибудь. Остановится учитель и спрашивает: "Как дальше идти? В какую сторону сворачивать?" И каждый из нас по очереди определяет, какую дорогу выбрать. А в лесу темно стало, как в погребе, даже темнее. Учитель послушает нас, послушает, потом возьмет компас и покажет верную

дорогу. Кабы сейчас у нас был компас, мы бы точно вышли к нашему поселку. Жаль, не взяли с собой, — вздохнул Алешка.

— А потом что?

— И потом шли правильно. Только вдруг дождь как припустит. У кого было что с собой — надел. Все-таки лучше. А кое-кто захотел спрятаться от дождя и ждать, покамест распогодится. А вожатая с учителем посмотрели на небо и говорят: "Дождь до утра зарядил, что ж мы, тоже будем сидеть до утра? До дому-то немного осталось — может, километра четыре, самое большее — пять". Ну, мы и пошли. Под ногами мокро, сверху дождь. А мы шагаем. Еще даже песню начали. И вышли к поселку. Устали, но не очень. И никто не отстал. Один только Петька Лужанин стал хныкать, тогда мы взяли и разобрали его груз: кто — лопату, а кто — мешок. Он пошел налегке, отдохнул немного и снова нагрузился. Если все вместе и если помогать друг дружке, говорит вожатая, никакие трудности не страшны. А учитель сказал, что на фронте это называлось взаимовыручкой, ну, как в бою бывает: наседают фашисты, и одного нашего товарища ранят, другой на место его станет, а фашистов не подпустит и товарища выручит. Вот и Павлинов таким был. Никогда товарища не бросал. Есть такая даже пословица: "Сам погибай, а товарища выручай". Учитель говорил. Хорошая пословица, правда, Валерка?

— Правда.

Валерка слушал, молчал и больше ни о чем не расспрашивал.

А дождь по-прежнему шумел в вершинах сосен. Крупные холодные капли исхлестывали всю землю вокруг шалаша, прибивали травы, проникали в середину. Алешка дважды вылезал из шалаша и прикрывал его новыми ветками. Когда, наконец, дождь прекратился, мальчики почувствовали, что продрогли. Прижавшись друг к дружке, кое-как согрелись и уснули.

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

В эту ночь Алешке снились далекие моря, чайки, стремительно летящие над белыми гребнями волн, безбрежный, бушующий день и ночь океан и затерявшаяся в нем баржа и на ней четверка отважных моряков. А Валерке снился свежий, душистый хлеб с запеченной корочкой. От этого у него ныло под ложечкой, он ясно ощущал во рту вкус хлеба и, может быть, из-за этого проснулся. Повернулся на бок, толкнул Алешку.

В щели шалаша проникал серый рассвет. Дождь утих. Влажные ветви, отяжелев, свисали книзу. Проснулся и Алешка. Протерев глаза, огляделся. У входа в шалаш светилась лужица воды. Раскрыл свои корзинки одуванчик, а лютики и лапчатка гусиная еще не проснулись — значит, рано еще, может, пять, во всяком случае, не позже шести часов утра; лютики, как и лапчатка гусиная, — Алешка знал — раскрываются не раньше восьми. Однако пора вставать.

— Есть хочется, — захныкал Валерка.

— Так рано? Еще растолстеешь, — пошутил Алешка. Ему самому хотелось есть, нашлась бы хотя корочка хлеба, пусть черствая даже лучше черствая. Но он знал: в корзинке, кроме ягод, ничего нет. — Ну, давай ягод поедим… Вон их сколько. И еще насобираем.

— А… хлеба не осталось?

Валерка с надеждой посмотрел на брата.

Хлеба. Где его взять? Знать бы, что такое случится, они бы захватили из дому целый каравай, а то и два.

— Осталось, а как же…

Измученный за прошедшие две ночи, с запавшими глазами, Алешка смотрел на брата и не узнавал его. Губы Валерки стали тоньше, нос заострился. Что же делать? Он ничего не мог придумать. Сидеть, однако, так, мокрыми, голодными тоже нельзя. Они поели ягод, выпили по нескольку глотков воды из бутылки.

Прежде чем идти, Алешка посмотрел больную ногу Валерки; по словам его, она болела, но не очень, и идти, хотя и медленно, он сможет. Итак, пошли.

Две фигурки то появлялись на едва приметной тропке, то исчезали в зарослях шиповника, то ковыляли по залитой солнцем поляне.

Алешка, как и раньше, был впереди; когда ветви мешали, он отгибал их и пропускал вперед Валерку, потом шел за ним несколько шагов и снова выходил вперед.

Через какие-то промежутки времени братья делали короткие привалы, усаживались на мокрую траву и отдыхали.

Всю дорогу они почти ни о чем не говорили, больше слушали: а вдруг окликнут их, ведь их, конечно же, ищут.

Валерке иногда чудилось: стоит пройти сотню шагов — и отец выйдет из-за дерева, улыбнется, поднимет его на руки.

В середине дня они слышали, как по лесу прокатилось эхо выстрела.

— Сюда-а-а! — закричал Алешка.

— Мы тут-а-а! — вторил Валерка.

Лес уносил их голоса куда-то далеко, и через какое-то время возвращал: "а-а-а".

Один раз им показалось, что где-то слева кричат, но, когда прошли километра полтора в том направлении, выяснилось: голоса слышатся сзади, и они повернули обратно. Так шли полчаса, а может, и час, и снова свернули влево.

Потом голоса затихли. Ребята остановились, не зная, куда идти дальше. Долго стояли в нерешительности. От усталости Валерка едва дышал. Алешка тоже устал. Измученные, промокшие, заплутавшись окончательно, они к полудню вышли к болоту.

ЗАЯЧЬЕ БОЛОТО

Заячье болото, как все болота, кочковатое, с блюдечками воды между кочками, но в Белозерске о нем ходила дурная слава, и кто знал это, старался обойти его десятой дорогой. На нем росли кусты рябины, то там, то сям покрывал его ольшаник, а кое-где просвечивали озерца. Оно вытянулось в узкую полосу на добрых три километра, и обходить его было далеко, лучше всего — перейти по прямой. Так поступил и Алешка.

Он первым взошел на влажную податливую почву. Поросшие мхом кочки мягко коснулись босых, исколотых ног, приятно охолодили их. Валерка был обут и не чувствовал этого, но ему казалось: кочки под ним движутся и вот-вот провалятся. Еле удерживаясь, чтобы не упасть, он испуганно позвал:

— Зыбко тут, Лешка!

Тот не обернулся, махнул рукой:

— Куда я стану, и ты ступай.

— Тебе босому хорошо, а я проваливаюсь, — жаловался Валерка и все же шел вслед за братом.

Болото, сплошь затянутое зеленым, местами выцветшим бархатом, лишь кое-где было помечено серебряными кольцами воды, в них плавали водяные лилии. По обе стороны болота тянулся лес; на другой стороне он был пореже. Братьям думалось: именно там, на другой стороне, они найдут свой путь, единственный из тысячи лесных дорог и тропок.

Мысль, что там, по ту сторону Заячьего болота, их ждет спасение, подгоняла Алешку; его торопливость передавалась и Валерке, и, хотя идти с каждым шагом становилось труднее, Валерка молча следовал за братом.

Но Заячье болото, видно, не хотело так просто расстаться с мальчишками. Почти на середине Алешка почувствовал под ногами какое-то движение: закачавшись, кочка опустилась, задрожали раскрывшиеся цветы лилий. Алешка хотел отступить, но скользкая жижа коснулась коленок, а когда он попытался выдернуть застрявшую ногу, провалился еще больше — по пояс. В тот миг болото показалось Алешке бездонным, он похолодел, капли пота покрыли лоб и шею.

Валерка, шедший сзади, остановился, хотел закричать и не смог.

Он все видел. На его глазах Алешка провалился и увяз в болоте. Но потому, что несчастье произошло внезапно, в какие-то две-три секунды, он не мог сразу сообразить, что случилось, не смог понять, чем грозит оно Алешке. Ища помощи, Валерка оглянулся, но вокруг простиралось безмолвное болото — мягкое, бархатное, с серебристыми кольцами воды. На той стороне застыл в таком же безмолвии лес. А над лесом светило августовское теплое солнце; оно клонилось уже к западу, его неяркие оранжевые лучи мягко грели затылок.

— Чего стоишь? — прохрипел Алешка. Положив палку поперек кочки, он оперся на нее, но она тотчас погрузилась вместе с кочкой; в болотную жижу опустились и Алешкины руки. Он выдернул их оттуда, поднял над головой — худые, тонкие, в черных перчатках болотной грязи.

Валерка сделал шаг ближе, но Алешка изо всех сил затряс головой:

— Не ходи… Ляг на кочку. Протяни палку…

Валерка послушно лег и, не чувствуя ни влаги, ни охватившего его озноба, протянул, как только мог, палку подальше. К несчастью, она оказалась короткой. Алешка не достал ее.

Валерка готов был зареветь. Закусив губу, он изо всех сил потянулся к брату, чтобы тот мог схватить палку хоть кончиками пальцев.

— Ближе, — шевельнул губами Алешка.

Ложиться ближе — опасно, но другого выхода нет. Надо решаться. Валерка передвинулся на полметра ближе, подвинул палку к Алешке. Одними пальцами Алешка коснулся ее и облегченно вздохнул.

— Тяни! — И что есть силы заработал ногами. — Я помогу.

Это было трудно. Алешке казалось: он сильно работает ногами, на самом деле еле водил ими в болотной жиже, но все-таки он вскоре почувствовал, что чуть-чуть подвинулся к Валерке, хотя болотная жижа уже подступала к плечам.

— Еще немножко!.. Еще!

Валерка тянул палку к себе и, плача, просил:

— Держись, Лешка!..

— Не п-плачь.

— Я не плачу-у.

А слезы текли и текли.

Валерка плакал, не чувствуя слез. Он испугался — это правда, но не растерялся. Упрямо сцепив зубы, он тянул и тянул палку к себе, хотя руки немели и становились совсем непослушными.

— Лешка!.. Не тони!.. Не тони же! Слышишь?..

— Слышу-у.

Вдруг Алешка увидел поблизости маленькую молодую ольшину. До этого, напуганный случившимся, он, словно слепой, ничего не замечал. Теперь же воспрянул духом:

— Валерка, смотри сюда!

— Чего?

— Ольшина!

— В-вижу, — все еще не теряя надежды вытащить Алешку, мычал Валерка.

— Подберись к ней.

— А зачем?

— Нагни ее… Скорей же!

— А-а, понял! — всхлипнул Валерка. — Я сейчас!.. Сейчас!..

Валерка ползком добрался к ольшине, уцепился за ветви и потянул к себе, она согнулась; Алешка тут же схватил ее за вершину, схватил цепко, рванул к себе — и ольшина покорно пригнулась.

— Так! — выдохнул Алешка и медленно, но упорно пополз вслед за деревцом; Валерка, позабыв обо всем на свете, смотрел за каждым движением брата.

— А-а, ты… смешной. И носа не видать, — сказал он, улыбаясь сквозь слезы, когда Алешка выкарабкался на кочку.

В самом деле, Алешка казался смешным: он был весь в грязи, в болотной жиже, только глаза блестели, но он был жив, он был спасен и сидел рядом.

Братья не пришли еще в себя после пережитого, как вдруг послышался шум мотора и вслед за этим над вершинами пихт появился вертолет, им показалось: тот самый, что был вчера.

Мальчики встали и принялись изо всех сил махать палками, а вертолет как внезапно появился, так внезапно исчез за зубчатой стеной леса. Они все еще надеялись, что он вернется, и долго смотрели в ту сторону, куда он улетел, но… вертолет больше не появлялся.

— Улетел, — сказал Алешка. — Эх!..

— Теперь назад пойдем? — вздохнув, спросил Валерка.

— Почему назад?.. Дальше надо... На ту сторону. И вертолет туда полетел.

Впервые Валерка ничего не возразил брату.

БРОШЕННАЯ КОРЗИНКА

Поиски ребят продолжались уже четвертые сутки. Двести человек проводили дни и ночи в лесу — и пока все напрасно. Никаких следов. Ребята будто в воду канули, Что могло с ними произойти? Куда они забрели?

Прошедшей ночью был дождь с громом и молнией. "Наверно, мальчики промокли, — думал Бояров, — простудились, и теперь их томит жар, и голод, и жажда..."

В середине дня группа Боярова остановилась на отдых. Михей Алехин достал из мешка еду.

Ели все, только Бояров ни к чему не притронулся. Он смотрел, не мигая, прямо перед собой, углубленный в свои мысли.

Когда его позвал Алехин, он не шевельнулся, ничего не сказал. На широком скуластом лице его лежала усталость, глубокие впадины залегли под глазами, усы свисали книзу, обкуренные и обкусанные.

— Поешь, — настойчиво повторил Алехин.

Бояров машинально взял хлеб и откусил.

Где-то недалеко слышались голоса других групп. После ночного ливня остро пахло землей и травами. Небо стало светлее и выше.

Группу вел Алехин, он постоянно следил за Бояровым, старался быть к нему поближе, утешал как мог, уверял, что ребята обязательно найдутся: "Где это слыхано, чтобы пинежские мальчишки, урожденные лесорубы да охотники, погибли в родном бору?"

Бояров не отвечал. Опустив голову, он курил одну цигарку за другой, а желваки туго ходили под кожей.

— Чует сердце, ежели не сегодня, то завтра непременно найдем их, — убежденно говорил Алехин, сидя рядом с Бояровым. — Вот скажешь, что я болтун и никчемушный человечишко... Ну, а теперь пошли... Пошли, ребята, засиделись, — торопил Алехин товарищей, хотя сидели они не больше пяти минут.

Бояров вставал, опираясь на палку, молча шел рядом с Алехиным.

Шаг за шагом приближались к Заячьему болоту. Появились первые кочки, заалели красные круглые листья росянки-хищницы. Первым к болоту вышел Алехин. Остальные задержались. Бояров наткнулся на небольшой, полузаваленный, но, как видно, недавно построенный шалаш, обошел его, потом влез внутрь, посидел там в зеленой прохладе, увидел пуговицу. А пока он сидел, Алехин и товарищи взошли на болото.

— Петрович где? — спросил Алехин Зеленцова, самого младшего в бояровской бригаде.

— Задержался... в шалаше.

— Позови его.

И вдруг:

— Погоди!.. Не надо.

Алехин увидел маленькую, из белых прутьев, корзинку.

— Задержи его там. Как хошь, а не пускай...

Алехин, перепрыгивая с кочки на кочку, быстро добрался до корзинки, увидел большую промоину и рядом с ней — согнутую ольшину.

Корзина! В ней были ягоды — немного, на самом дне...

Он оглянулся, боясь, что его мысли подслушает Бояров. Из Заячьего болота редко кто выбирался живым. Болото засасывало и взрослых, если поблизости не оказывалась помощь. И никого из погибших уже никогда не могли отыскать. Они исчезали бесследно, словно проваливались сквозь землю.

Не раздумывая, Алехин отодрал большую кочку и бросил ее в корзину; медленно полнясь темной водой, она ушла в промоину. Алехин постоял немного и устало побрел к берегу. А может быть, здесь и не они были? Слабая надежда... А все-таки... На берегу Алехина ожидал Бояров.

— Что там, на болоте?..

— Хотел перейти. Нельзя. Обойдем лучше.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Раннее утро. Чуть-чуть брезжит рассвет. В лесу тихо, только иногда легкий ветерок прошуршит в верхушках сосен и елей да что-то шепчет неугомонная осина. Сумрак еще не рассеялся, и окружающие предметы неясны. Постепенно разгорается заря.

Ребята идут по длинной узкой поляне. Направо от них высокий смешанный строевой лес, налево — густые заросли осинника и березняка.

В такое время в лесу хорошо, но ребятам некогда любоваться могучими соснами, окутанными до самых вершин золотым дымком. Не на прогулке они, голод не тетка, он заставил их рано, еще до зари, подняться и шагать, шагать в поисках дороги и ягод. Уже два дня как они питаются одними ягодами.

А вчера и ягод не видели. Ну хотя бы для смеха найти кустик гонобобеля; конечно, смешного в этом не так уж много, просто к слову пришлось.

Валерка еле брел, Алешка каждые несколько минут останавливался и поджидал его. И хорошо делал, а не то… Но лучше все по порядку. Вот как это было.

В который уже раз Валерка, остановившись, звал Алешку и спрашивал, не нашел ли он ягод. Алешка отрицательно мотал головой. Валерка вздыхал и, опираясь на колышек, брел дальше. Пройдя несколько шагов, снова звал:

— Лешка!

Алешка не отвечал, и Валерка понимал: ягод нет.

Так продолжалось почти до полудня. Алешка пересказал брату все, что он помнил из сборника чукотских сказок, лишь бы отвлечь Валерку от тягостных мыслей о еде. Но сказки кончились, а ягод все не было. Хорошо хоть вода была. По пути встретилось озеро, усеянное цветами омежника и телореза. В озере они умылись, напились, но вода, сколько ни пей, хлеба не заменит. Пошли дальше.

— Не отставай, — позвал Алешка. — Вот скоро ягоды найдем и привал сделаем.

— "Не отставай", — горько шептал Валерка. — Я не могу так…

Глаза между тем обшаривали каждый кустик: а вдруг ягоды?

Прихрамывая при каждом шаге, все так же старательно опираясь на колышек, Валерка свернул с Алешкиной тропки, хорошо видной по росе, и внезапно заметил ягоды… Хотел было позвать Алешку, даже рот раскрыл, но ягоды были так близко, а брат ушел вперед. Он сначала попробует сам, потом позовет. И все-таки в последнюю секунду Валерка кликнул Алешку: он не мог есть ягоды один, без брата, хотя и был очень голоден.

Обернулся, увидел между кустов синюю Алешкину рубашку, хрипло позвал:

— Нашел!.. Я нашел!.. Сюда, Лешка!

И, уже не ожидая Алешки, спотыкаясь, чуть не падая, пошел к кустикам, густо усеянным сочными ярко-красными ягодами.

Вот они, миленькие! Еще шаг — и он сорвет, схватит вот эти две — самые вкусные, самые красивые. Он уже протянул руку, уже сорвал…

— Не смей!

Алешка, бледный, испуганный, стоял рядом. Белесые брови его выцвели, и трудно было заметить, как они хмурятся, но глаза, серые, с голубинкой в самом зрачке, блестели от возбуждения.

Он больно ударил Валерку по руке, вдавил в землю упавшие ягоды. Ничего не понимая, Валерка даже не рассердился, его больше удивило странное поведение Алешки.

— Это же… волчье лыко.

— А я думал, брусника.

Алешка, отдышавшись, уже спокойнее сказал:

— У брусники листья круглые, а у лыка, смотри сюда, узкие, а по коре — бурые точки. Этих ягод даже скотина не ест. Они ядовитые.

Валерка молчал, во все глаза рассматривая кустики волчьего лыка.

— Идем… и больше не трогай, если не знаешь.

Алешка увел брата подальше от этого места.

— Дай слово: без меня ничего рвать и есть не будешь. Ну?

— Не буду.

Валерка вспомнил: мама тоже предупреждала: не ешь все без разбора, смотри, учись, спрашивай. Уже с большим доверием взглянул на брата: может, и в самом деле Алешка прав и им встретилось ядовитое волчье лыко? Если бы это была брусника, Алешка, наверно, и сам бы попробовал.

Мальчики спустились в овражек. Он круто уходил вниз, откосы его густо поросли донником, кипреем и можжевельником. Где-то внизу, невидимый пока, журчал ручей.

"Пя-ять, пя-ять", — свистнул неподалеку рябчик. Другой откликнулся: "Ци-ци-ци".

— Тихо, — шепнул Алешка, весь превратившись в слух и ожидание. Вот-вот должно было произойти что-то неожиданно удивительное, страшно интересное.

— Тихо, — повторил Алешка, хотя Валерка не произнес ни одного звука. — Слышишь?

— Что?

— Свистят.

Алешка неслышно, на одних цыпочках шел вниз, разводя перед собой ветви. Валерка старался подражать брату, хотя это удавалось с трудом: мешал колышек, на который он опирался.

Ушедший вперед Алешка сделал шаг, другой и остановился, замер. Вдруг из-за кустов вспорхнуло несколько рябчиков.

— Видал?! — восхищенно прошептал Алешка. — Вот они!

Мальчики спустились к ручью. Он вытекал из-под отвесной стены оврага и направлялся куда-то вниз. Солнце, пробиваясь сквозь листву, золотой монетой лежало на его дне.

На песке, у подножья стены, впечатались птичьи следы. Их было много, они перепутались, образовали странной формы сетку. Алешке достаточно было одного взгляда, чтобы сказать: это порховище, здесь у рябчиков водопой и своя закрытая от чужого глаза купальня.

— Вот бы… — Алешка не договорил: слишком будет хорошо, если бы удалось сделать так. Пусть хоть Валерка ни о чем не думает. Но Валерка догадался, он тоже хотел бы поохотиться на рябчиков. Но для этого надо сделать манок, силки и построить заборчик — такой, как они уже видели с отцом вместе…

— А вот и манок! — В руках Валерки был манок, тот самый, вырезанный отцом.

ОХОТА НА РЯБЧИКА

Настроение у ребят сразу улучшилось.

— Так, — потер рука об руку Алешка. — Ты, Лерка, садись и отдыхай пока, а я заборчик поставлю.

— А покажешь, как силок делать? — спросил Валерка.

Разумеется, он и не собирался отдыхать, хотя нога не переставала ныть и вообще за полдня он так натопался, что в пору было не только посидеть, но и полежать. Но кто же станет отлеживаться, если предстоит такая увлекательная охота?

Валерка ковылял вслед за братом, позабыв на какое-то время о ноющей ноге и мучившем голоде, он только напился из того же ручья, в котором, наверно, купались рябчики. Вода оказалась чистой и очень вкусной.

— Покажешь? — не отставал Валерка. Ему и невдомек было, какой трудный вопрос он поставил перед Алешкой. Занятый мыслями о заборчике, Алешка не подумал о силке, а ведь без него нечего и думать об успешной охоте. Для силка нужен конский волос, хорошая нитка, но где их найдешь в лесу? Задача не из легких.

— Ничего не выходит? — обеспокоенно спросил Валерка, заметив, что Алешка чем-то встревожен.

— Не выходит.

— Почему?

— Волоса нет и нитки… Ничего нет.

— Волоса? Волоса, — бормотал Валерка и, сидя возле ручья, дергал одну травинку за другой.

— А что, если?..

— Ты что сказал?

— Я думаю… Я думаю. — Валерка вдруг с силой дернул волосок у себя на макушке. — Во! Есть!

— Что? — не понял Алешка.

— Дерни и ты… Я вытерплю. — Валерка нагнул голову. — Ну!

Алешка невольно усмехнулся; бывало, дома брат мог пожаловаться отцу, если его нечаянно толкнули, а тут сам просил, чтобы его дергали за волосы. А может, и в самом деле попробовать? Вырвать не десять, а тридцать волосков — и силок будет покрепче. Алешка, недолго думая, стал выдергивать у себя волосок за волоском. Валерка, морщась, стиснув зубы, последовал его примеру.

— У меня длиннее, — сказал он.

— А у меня крепче.

Когда собралось необходимое количество волосков, Алешка сплел их. Не хватало для прочности надежной нитки. Что, если оторвать пуговицу? То есть не оторвать, а снять, предварительно выдернув нитку? Алешка оторвал можжевеловый острый листок и, орудуя им, как иголкой, снял с рубашки две пуговицы, связал два конца и получил хорошую нитку. Но и этого не хватило, и он, пошарив у себя в карманах, нашел кусочек шпагата. Теперь можно и силок сделать, удлинить его, укрепить. Кончив с силком, Алешка принялся устанавливать заборчик. Валерка помогал как мог: ломал сухие ветки, придерживал колышки, чтобы Алешке удобнее было вколачивать их в землю.

Наконец все готово: заборчик, воротца, жердь-перевес, силок со скользящим узлом. Остается немного: набраться терпения и ждать.

Алешка выбрал в пяти шагах от порховища разлапистую елочку, наломал ветвей, чтобы замаскироваться.

Некоторое время мальчики лежали в своем тайнике молча, осматривались, прислушивались. В овраге было тихо. Над головой у них шуршал зеленый шатер из еловых ветвей, а в тени, под кустиками вереска, монотонно журнал ручей.

— Долго будем лежать? — спросил Валерка.

— Сейчас начнем.

Алешка достал манок и, просвистав первые два "пя-ять", закончил свист настоящей трелью.

— Похоже?

— Очень… А мне можно?

— В другой раз… Теперь будем ждать.

— Долго еще?

— Недолго… Может, полчаса.

— Ого, полчаса.

— А ты как думал? Охотники, они знаешь какие терпеливые.

— То охотники.

— А мы кто?

Валерка не ответил и вдруг спросил:

— Лешка, мы сварим или… зажарим его?

— Тихо лежи.

— Я тихо… — И снова: — А где мы огонь возьмем?

— Лерка, отлуплю, — угрожающе прошипел Алешка. — Тсс… Отозвался!

В лесной глуши послышался мелодичный свист — это рябчик ответил на Алешкин зов.

Выждав несколько минут, Алешка снова издал звук, очень похожий на свист птицы.

Тишина. Вдруг раздался ответный свист, а еще через минуту мальчики услышали: птица взлетела. Через некоторое время шум приблизился. Короткая трель-песня. Птица села где-то близко от них. И

снова — тишина. Только шуршит над ухом, качается перед глазами еловая ветвь.

Третий раз Алешка повторил призыв.

Ждать остается немного. Рябчик летит на призыв уже совершенно успокоенный и садится на кустик вереска, близко от которого затаились ребята. Он сидит совсем рядом, красиво приподняв на голове хохолок. Оперение на нем пестрое, окрашенное в серые, черные и рыжеватые тона, наверно, поэтому его так и назвали, и кажется, что он дымчато-серый. Горло под клювом у него черное, словно вымазанное тушью, а по обеим сторонам — белые полоски.

Валерка не мог оторвать глаз от рябчика, никогда раньше он так близко его не видел. В эту минуту он решительно позабыл, зачем они с Алешкой спрятались и зачем вся эта затея; невольно, сам того не заметив, он сделал едва уловимое движение, словно собирался протянуть руку и схватить птицу. Может быть, он бы и попытался рукой поймать рябчика, если бы не Алешка, который в упор, строго посмотрел на Валерку, и Валерка как бы очнулся, бесшумно втянул в себя воздух и застыл.

Вот рябчик опустится на землю, захочет пить или искупаться, подойдет к ручью, пройдет в воротца — и… терпение, терпение.

Но в это самое время произошло непредвиденное, до смешного нелепое. Какая-то глупая мошка заползла Валерке в нос, Валерка выдохнул воздух, но мошке, наверно, понравилось в Валеркиной ноздре, и она упрямо карабкалась дальше, в глубину. Тут никто бы не удержался, не мог вытерпеть и Валерка; он крепко зажал нос, но это не помогло — чиханье прорвалось все-таки и в первозданной тишине оврага прозвучало выстрелом.

Ребят будто оглушили. Все пропало. Рябчика и след простыл, только веточка, на которой он сидел, чуть-чуть колебалась, и солнечный лучик скользил по ней, будто насмехался над неудачниками.

— Сварим и зажарим теперь, — зло процедил Алешка. — Ешь на здоровье.

Алешка прав, во всем виноват Валерка, его невыдержанность. Почему в эту минуту ни мошка, ни комар не тронули Алешку, а нашли его, Валерку? Слезы обиды текли по лицу и заползали в рот.

— Не реви, — сказал Алешка. — Слезой рябчика не заманишь и сыт не будешь… Идем лучше ягод поищем…

Мальчики выбрались из укрытия и отправились вниз по течению ручья. Скоро они вышли к озеру, каких много в Пинежских лесах. К их радости, здесь они нашли много черники и гонобобеля.

Закусив ягодами и, напившись воды, они решили вернуться к порховищу: может, на этот раз им улыбнется охотничье счастье; правда, Валерка был уверен, что после первой неудачи ни один рябчик не прилетит больше.

Алешка не отрицал, но и не соглашался с Валеркой.

Незаметно подошли к порховищу и, пораженные, остановились: в воротцах забора застряла серо-дымчатая птица, она странно разевала клюв, будто ей не хватало воздуха. Это был рябчик, может быть, тот самый, которого спугнул Валерка.

КОРОЛЕВСКИЙ ОБЕД

Пока они добежали к порховищу, рябчик уже не шевелился, петля так сильно затянулась, что Алешке пришлось зубами распутывать узел.

Теперь рябчика можно было трогать за хвост, за хохолок. Валерка вздохнул: ему было жаль птицу, и он не скрывал этого. Алешка же, не обращая внимания на Валерку, раздобыл плоский кусок корня, отломал от сухой ветки более плотный конец и принялся тереть палкой о корень.

— Зачем это? — спросил Валерка.

— Огонь будет.

— Правда будет?

— Так добывали огонь индейцы и все люди, когда еще не было спичек… И мы добудем… Сюда иди. Садись. Так… Берись за палку, пониже бери. Начали!..

Дерево не скоро начало тлеть, страстно ожидаемый дымок никак не показывался.

Пот заливал им глаза. Валясь на траву, Валерка трижды отдыхал, дышал трудно, как рыба, выброшенная на берег. Один Алешка, упрямо наклонив лобастую голову, не переставал крутить палку. Валерка просил сделать передышку, но Алешка только мотал головой:

— Нельзя!..

Один раз, правда, Алешка попросил сменить его: он вытер концом рубахи пот с лица, сходил к ручью, напился воды и снова взялся за палку. На ладонях у него появились мозоли, влажной стала рубаха под мышками и на спине, а он, стиснув зубы, ровно, в одинаковом ритме крутил и крутил палку.

— Не горит, — сказал Валерка и вздохнул. — Наверно, ты не умеешь. — И, глядя на рябчика, спросил вдруг: — А сырым его… можно?

— Огонь добудем.

— Когда?

— Скоро… Во — дымит уже!

— Правда?!

В самом деле, тоненькая ниточка дыма потянулась вдруг по корневищу. Ни слова не говоря, Валерка вцепился в палку, чтобы помочь Алешке.

— Не рви так, а то…

Алешка не договорил: в эту секунду из-под палки показался настоящий сизый дымок.

Не переставая тереть палкой, Алешка другой рукой поднес к дыму кусочек бересты, она покоробилась, пожелтела и… загорелась. Алешка тотчас сунул ее в приготовленную кучку сухого валежника.

— Загорелось! — воскликнул Валерка и, поднявшись, прихрамывая, стал подпрыгивать на одной ноге. Алешка, устало ухмыляясь, подсовывал в огонь сучья, коренья.

Когда первый восторг несколько поулегся, Алешка приказал Валерке не отходить от костра, бдительно сторожить его, чтобы, чего доброго, он не стал меньше, а сам принялся за рябчика. Кое-как ощипав его и выпотрошив, Алешка нашел палку, насадил на нее птицу и понес на огонь.

Дым из оврага плыл вверх, густо застилал можжевеловые кусты, цепляя им седые длинные бороды.

В этот день братья пообедали по-королевски. Пусть без соли и хлеба, пусть рябчик попахивал горьковатым дымком, но никогда в жизни они не обедали так вкусно и с таким аппетитом.

После еды они почувствовали странную слабость и, сбросив рубашки — благо было тепло, — разлеглись на зеленой траве. Алешка, следя за костром, вдруг сказал:

— Вот полежим и вынесем костер из оврага наверх…

— Зачем?

— Не понимаешь?.. Дым пойдет по лесу… Огонь далеко видать.

— И папанька увидит его? Правда?

— Как мы раньше не сделали этого? — Алешка подтянул большую еловую ветвь и положил на костер, ветвь затрещала, искры разлетелись в разные стороны.

— Не догадались раньше-то, — сказал Валерка.

— Теперь сделаем.

Несколько минут Алешка лежал молча, потом вдруг обеспокоенно поднялся. По небу ползли тучи, опускались все ниже и ниже.

— Гроза будет, Лерка!

— А костер как?

— Дураки мы… Надо было шалаш сделать… Сами спрятались бы и огонь спрятали…

Алешка не ошибся: шла гроза. Внезапно налетел ветер — и лес загудел протяжно и гулко, словно извещая всех своих обитателей о надвигающейся беде. Засверкали по небу огненные молнии.

И хлынул дождь.

Укрывшись под разлапистой елью, мальчики смотрели, как на их глазах гибнет костер — их труд и надежда. Скоро от него ничего не осталось, только легкий пар еще некоторое время стоял на том месте, где несколько минут назад жил, бушевал веселый костер.

А дождь, какой бывает, наверно, только в августе, становился гуще, обильнее, и скоро начался настоящий ливень. Он хозяйничал до конца дня, заставив ребят ночевать в овраге под облюбованной ими елью.

Утром они решили идти дальше. В другом месте они сделают костер, найдут новое порховище. Так думал Алешка; и Валерка, который, несмотря на вчерашний сытный обед, очень ослабел, должен был подчиниться.

КАПКАН

В шестой день своего невольного путешествия мальчики, не найдя источника, впервые напились болотной воды. После того как ребята ушли из оврага, они почти целый день не находили ягод, развести костер тоже не могли: где найдешь после ливня сухое местечко в лесу? Но больше голода их мучила жажда. И когда Алешка увидел болото, он, недолго думая, сорвал мох с первой же кочки, отвалил ее в сторону и, когда в ямке показалась вода, зачерпнул рукой и напился, потом это же сделал и Валерка. Вода была желтоватая, с запахом, но все-таки это была вода, и они сделали по нескольку глотков, больше Алешка не пил и не разрешил пить Валерке.

Словно сговорившись, они ни разу не говорили о Заячьем болоте, где чуть не утонул Алешка, а если и говорили, то больше об овраге, в котором хорошо закусили рябчиком и отдохнули у костра, очень жалели, что ливень залил костер.

Они не знали, куда ведет лесная тропка, хотя думали, что идут правильно и осталось им не так много — к вечеру они выйдут к поселку, может быть, за той поляной, что показалась в просвете между деревьями, появится, наконец, знакомая дорожка в Белозерск.

Валерка еле плелся, через каждые пять минут останавливался, жалобными глазами смотрел на брата. К концу дня он совсем выбился из сил, к тому же очень разболелась нога, он не мог дальше сделать и шагу. Остановившись под деревом, часто и трудно дышал. Алешка терпеливо ожидал его. Он тоже очень устал, но помнил: если остановиться, будет еще хуже, поэтому надо идти, что бы ни случилось — двигаться; каждая вынужденная остановка его тревожила.

Они стояли молча, прислонившись друг к другу. Вдруг Алешка увидел, что по лицу брата бегут слезы, светлые и крупные, как горох. Валерка плакал беззвучно, ни на что не жалуясь, ничего не просил, не вспоминал ни костер, ни охоту на рябчика.

Алешка рукавом вытер Валерке глаза, нос.

— Не реви… Скоро найдем порховище… Костер разведем. Огромнющий.

— Я… я не реву, — шмыгнул носом Валерка, а слезы, еще обильнее, потекли по щекам и подбородку. Он размазывал их, и на лице оставались темные полоски.

— Ну что ты?

— Так, — всхлипнул Валерка. — Нога… болит. Вот здесь.

— Может, разуешься? Полегчает.

Алешка принялся расшнуровывать Валерке ботинок. С больной ноги ботинок снимался плохо, пришлось повозиться. Нога в том месте, где была наколота, распухла, покраснела. Идти с такой ногой трудно. Что же делать? Алешка вспомнил, как однажды ему прикладывали листья подорожника к нарыву, и это очень помогло. Он тогда быстро выздоровел.

— Погоди, я сейчас…

Он обошел всю поляну, но подорожника не нашел.

— Лешка, куда ты? — позвал Валерка.

— Не бойся.

Алешка отошел немного в сторону от поляны и сделал это не напрасно: подорожник он нашел под большим замшелым пнем. Поплевав на листок, положил его на платок и приложил к больной ноге. Валерка не возражал, ему было все равно, лишь бы стало легче.

— Ну как?

— Лучше… Я пойду уже… сам.

Валерка встал, опираясь на палку. Боль как будто стала меньше.

— Сделай шаг. Так… Еще один. Ничего… Погоди теперь.

Алешка наскоро связал шнурками ботинки, перебросил их через плечо.

— Пошли!

Алешка был теперь с Валеркой рядом, поддерживал его под руку.

Миновал час, а может, и больше. Засумерничало. В лесу становилось прохладнее, потянуло ветерком. Валерка поежился.

Идти было трудно, ноги не слушались, очень хотелось упасть в траву и лежать. Пусть идет дождь, гудит лес — не страшно, пусть даже волк нападет на след — Валерка не испугается. Волк? А вдруг в самом деле волк?

— Что тебе?

— Так… Ничего.

Алешка останавливается.

— Дальше не пойдем. Ночевать будем… вот тут, под кустом.

— Не хочу под кустом.

— Почему?

— Там есть кто-то.

— Чудак человек, — повторяет Алешка любимое отцовское словцо. — Кто там может быть?

— Волк, — шепчет Валерка. Ему думается: скажи он громче — и волк услышит.

— Волк? Там?.. Никого там нет.

Однако с места Алешка не двигается. Ему тоже чудится: в конце поляны кто-то есть, притаился. Алешка зорко всматривается в колеблющуюся тень и облегченно вздыхает:

— Да это же кусты… от ветра качаются.

— Да?

— Конечно.

Алешка ломает ветки, низко свисающие над землей, и сносит их в одно место. Соорудив некоторое подобие шалаша, мальчики усаживаются возле.

— Поедим теперь.

Алешка подсовывает брату картуз с ягодами.

Поев, укладываются спать, укрываются Валеркиной курткой и ветками. А над ними склоняются темные кусты, гудят великаны-сосны.

Первым просыпается Алешка. Потом — Валерка. Что это? В десяти шагах от них какой-то зверь, черный, лохматый, он зло и угрожающе подвывает.

— Пшел вон! — замахивается Алешка.

— Пшел! — чуть шевелит губами Валерка.

Звучная ночь обступает братьев со всех сторон: кусты, деревья то голосят, то шушукаются. Но главное — это черное неумолимо продолжает двигаться.

— Бежим отсюда!.. — Валерка тащит за рукав брата. — Бежим!..

— Погоди!

В это время сквозь игольчатую кутерьму сосен и пихт несмело проскальзывает лунный рожок — и поляна освещается бледным светом. Как очумелые, из стороны в сторону мечутся темные кусты, трясут чубатыми головами пихты, звериными лапами тянутся по земле еловые ветви.

Лунная дорожка вдруг рассекает лесную темень — и мальчики в тот же миг видят зверя, который так испугал их. Но это никакой не зверь. Это собака! Большая, черная. Почему только она вертится на одном месте? Почему не бежит?

Алешка первый бросается к собаке. Валерка в нерешительности топчется на месте.

— Куда, Лешка?

Тот ничего не слышит. Он уже возле собаки.

— Сюда иди!

Валерка несмело приближается и в трех шагах останавливается.

— Что?

— Гляди!.. В капкан угодила.

Алешка присаживается, и собака сразу утихает, лижет мальчику руку. Он освобождает лапу из капкана.

— Капкан на волка ставили, а попалась она… Ну иди, погладь ее.

— Зачем?

— Боишься?

— И совсем я не боюсь.

— Чего ж ты?.. Она не укусит. — И вдруг Алешка на мгновенье замирает:

— Так это же Ураган!

— Дяди Михея? — с робкой надеждой спрашивает Валерка и протягивает руку.

— Ураган!

Собака радостно взвизгивает и подается к Валерке. Он испуганно отстраняется, но в следующую минуту уже смело гладит ее — лохматую, мокрую.

Они зовут ее за собой, на сухой валежник, в шалаш, и собака послушно идет за ними следом.

Ураган! Сколько раз они возились с ним, когда дядя Михей был дома и не брал Урагана в лес! Только как он здесь появился? Это для них загадка.

Мальчики засыпают не скоро, рядом с ними укладывается и Ураган. Время от времени он вскидывает большую лохматую голову, чутко вслушивается в лесной шум и, успокоенный, снова кладет голову на лапы.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Теперь беспокоиться нечего: Ураган с ними, и он безошибочно выведет их к поселку. В этом мальчики нисколько не сомневались. И эта уверенность прибавила им силы, они бодрее шагали вслед за Ураганом. Он же бежал впереди, часто останавливался, возвращался и бежал снова. Сколько раз дома они слыхали от отца и от поселковых ребят, какие есть умные собаки, они лучше человека чуют дорогу, с собакой не заплутаешь!

В этот день (а это был седьмой день их блужданий) они, как и накануне, питались ягодами, пили из болота, отдирая мох, поили Урагана и часто говорили о том, как они придут домой — идти осталось совсем мало, — и все будут удивляться, что они сами нашли дорогу и благополучно вернулись.

— Я как приду, так сразу съем все, что мне мамка даст, — сказал Валерка. — А швертбот Катьке отдам насовсем. Пусть ей. А мы сделаем сами. Правда, Лешка?

— Ага… Ураган!.. — позвал вдруг Алешка.

Ураган отбежал метров на сто, вернулся и снова побежал: он, наверно, приглашал ребят с собой, но они не могли бежать за ним, и Ураган скрылся в зарослях вереска. Его не было час, а может, и больше. Он догнал их на очередном привале. Вся морда его была в перьях. Он вкусно позевывал, — взахлеб пил из открытой на болоте ямки.

Конечно, Ураган поступил бессовестно, он, наверно, поймал какую-то дичь и мог бы им тоже принести что-нибудь. Но как ему прикажешь? А бежать за ним они не могли. О каком беге можно говорить, если идти с каждым днем становилось труднее? Особенно трудно Валерке. Боль в ноге не унимается, а после того, как положили подорожник, на месте занозы образовался нарыв, рано или поздно он должен прорваться, и тогда, наверно, станет лучше.

— И сегодня мы не придем, — сказал Валерка.

— Тогда завтра… Вот увидишь…

Валерка недоверчиво посмотрел на Алешку, а тот, чтобы не встретиться с ним взглядом, отвернулся.

— Думаешь, я маленький, так совсем глупый. Я знаю, это ты нарочно так говоришь. Обманываешь.

— Это я обманываю? — Алешка даже не обиделся. Конечно, он обманывает, и, наверно, это нехорошо, но как сделать так, чтобы Валерка верил, как верит и он, Алешка? Придут они домой, обязательно придут.

— Пойдем, Валерка! — Алешка обнял брата за плечи и осторожно, чтобы не наступить на шишку, повел его густой чащей.

Под вечер им встретилась поляна и на ней — небольшой стог сена — зарод. Здесь они решили провести ночь — благо не надо делать шалаша; они так устали, что еле доплелись к мягкому душистому сену и растянулись на нем. Здесь же улегся и Ураган.

Мальчики не заметили, как уснули. Засыпая, Алешка сказал, что им теперь с Ураганом ничего не страшно, вот бы только костер развести,

как тогда, в овраге, да порховище найти, манок у них есть и силок сохранился.

Валерка не ответил. Где ты сейчас найдешь порховище? А чтобы добыть огонь, нужно много и упорно работать, а он и рукой пошевелить не в состоянии.

Ребята спали, а Ураган охранял их сон. Он, собственно, тоже спал, но так, что при каждом шорохе поводил узкими чуткими ушами.

Среди ночи Ураган беспокойно завозился и стал подвывать, сначала тихонько, потом громче и громче. Ребята проснулись. Они попытались успокоить Урагана, но тот, не слушая их, вскочил и залаял, хрипло и зло. Ребята поняли: в лесу, и, видимо, недалеко от них, кто-то появился чужой.

Шерсть на спине Урагана встала торчком, точно у ежа; он оскалил пасть, угрожающе лая на невидимого врага.

Прижавшись друг к другу, ребята стояли здесь же, всматриваясь в загадочный лес. На поляну вдруг упала тень и застыла. Ураган еще яростнее залаял, несколько раз прыгнул вперед.

Тень не исчезла, и, присмотревшись, ребята увидели на другой стороне поляны большую собаку. Она не лаяла, только скалила зубы, а глаза ее сверкали, как огоньки.

Первым опомнился Алешка:

— Волк!

Он схватил Валерку за руку и потащил; братья бежали, сами не зная куда, но все дальше и дальше от этой поляны, от страшного ночного гостя.

Кусты цеплялись за одежду, дважды Алешка споткнулся, ушиб колено, но это ничего не значило в сравнении с опасностью, которая осталась на поляне, а может быть, гналась по их следам.

Алешка оглянулся: между деревьев мелькнула тень и что-то зашелестело. Показалось: это Ураган, но кусты скрыли его, слышались только прерывистый злобный лай и щелканье зубов, как короткие удары бича.

— Скорей! — торопился Алешка и что есть силы тащил за собой Валерку, который, если бы не брат, не смог бы сделать и шага — очень заболела нога; когда он ступал на нее, боль усиливалась, но, сцепив зубы, он молчал, боясь, что услышит волк.

Братья пробежали от поляны метров сто, а может, и все двести, и вдруг Алешка остановился: зачем они бегут, как дураки? Да и можно ли убежать от волка? Надо залезть на дерево — и никакой волк не достанет. Медведь может, а волк нет. Да, еще волки боятся огня. Жаль, нет спичек, а то бы он зажег ветку и никакой волк не подошел бы.

Впереди, между двух великанов-сосен, Алешка заметил низкорослую, с толстым кривым стволом березу. Это спасение! Сосны, которые стоят рядом, гладкие, почти без сучка, взбираться на них трудно, особенно с Валеркой. А на березу Валерка залезет.

Помочь Валерке — дело одной минуты. Цепляясь за ветви, Валерка лез все выше и выше. И вот он уже на безопасном расстоянии от земли. Оставив на земле куртку и связанные шнурками ботинки, Алешка взобрался следом.

Ребята тяжело дышали; зубы у Валерки дробно постукивали, он все время оглядывался в сторону поляны, откуда доносился бешеный лай Урагана. Алешка ладошкой вытирал пот с лица и тоже оглядывался в ту сторону.

Ребятам казалось, что не только они, но и береза вздрагивает от неистового лая. Листья трепетали над головой, у самого лица. По земле скользили тени, а думалось, что это бегут диковинные звери все туда же — к поляне.

Что-то будет. Прогонит ли Ураган волка или, испугавшись, убежит, а волк не уйдет до тех пор, пока, усталые, голодные, они не свалятся с дерева?

Алешке вспомнились рассказы взрослых о таких случаях. В прошлую зиму охотника встретили в лесу три голодных волка, одного он убил оставшимся патроном, а двое бросились на него. Охотник успел взобраться на дерево и просидел там двое суток, а волки все грызли и грызли ствол. Лесорубы случайно напали на след охотника, нашли его еле живого, полузамерзшего. Так будет и с ними; правда, теперь не холодно, но без хлеба и воды они долго не протянут. Уснут и свалятся.

Подумав об этом, Алешка преддожил привязаться. Но чем? Веревок нет. Что же придумать?

Послышался хриплый, злобный вой. Братья увидели, как волк бросился на Урагана. Живой клубок покатился под дерево, откатился назад. Наконец клубок разнялся, волк бросился бежать, а Ураган — их добрый, храбрый Ураган — помчался следом.

Поджав хвост, волк уходил огромными скачками. Братья хорошо видели, как он скрылся за кустами. Ураган не отставал.

Лай постепенно стихал. Вот он еле слышен и — словно растаял — утонул в огромном темно-зеленом океане. В лесу постепенно рождался рассвет. Звезды еще не погасли, в этот час они становились как бы холоднее, чище, словно наливались родниковой водой. Застыла над верхушкой пихты безучастная ко всему на свете луна. Откуда-то справа тянулось длинное, похожее на баркас облако. Лес шумел тихо и сонно.

Прошло полчаса, а может быть, и час, но ничего, кроме лесного шума, не было слышно. И волк и Ураган исчезли.

Примостившись между ветвей, братья ждали: вот-вот появится Ураган. А может, позвать его? Но если поблизости волк, лучше подождать. И ребята молча, терпеливо ожидали утра.

Хотелось спать, но они, боясь свалиться с дерева, крепились, не спали. И все-таки Валерка не удержался и клюнул носом — если бы не Алешка, он бы, наверно, свалился.

Алешка подумал, что и он может незаметно уснуть, и тогда Валерка упадет с дерева. Чтобы этого не случилось, он снял свой ремень, предложил снять ремешок и Валерке. Связав их в один, охватил и пристегнул его к надежной ветке.

— Спи, а я потом... после.

Валерка охотно привалился к широкому шершавому стволу березы и почти в ту же минуту тоненько засвистел носом. Обняв ветку понадежнее, Алешка смотрел на спящего брата и время от времени, чтобы не уснуть, кусал себя за палец.

Так несколько часов братья просидели на березе. А утром...

"Я НЕ ОСТАВЛЮ ТЕБЯ"

Ураган не вернулся. Без него мальчики снова почувствовали себя одинокими, заброшенными в непроходимых лесных дебрях. К тому же утром после ночного происшествия обнаружилось: Валерка совершенно не может идти. Правда, с березы он сполз сам, но, сделав один шаг, громко вскрикнул, упал и не мог встать.

Алешка смотрел на брата и не знал, что придумать. До этого дня пусть понемногу, но они все-таки двигались. А что делать теперь?

Утро между тем разгоралось все ярче и ярче.

Сквозь ветви виднелась поляна, на которой разыгралась ночная баталия. На примятой траве валялись клочья рыжей шерсти, под самой березой остались следы волка — крупные, круглые, и следы Урагана — помельче, слегка вытянутые. В отдельных местах трава была вырвана, обнажились песчаные проплешины.

Ребята понимали: если бы не Ураган, им бы несдобровать. Ураган смело бросился на врага. Неужели же он не вернется, неужели они не увидят его больше?

Но делать нечего — надо что-то придумать и двигаться дальше, не сидеть же сложа руки на одном месте. А что, если Валерку поддерживать под руку?

— Попробуй встань, я помогу.

— Болит…

Валерка редко жаловался, если, бывало, и падал, до крови обдирая коленки. Теперь ему в самом деле очень больно, нога так и горит. Надо, наверно, больше и чаще прикладывать подорожник.

— Если бы возок сделать, — сказал Валерка.

— А зачем?

— Ты бы меня повез.

— Еще чего…

Алешка, однако, думал совсем другое. Возок не возок, а волокушу соорудить надо. И сделать это просто: взять две большие ветки и связать.

Не долго возился Алешка с волокушей. Упругие ветви сплелись так крепко, что их нарочно не разнимешь. Алешка попытался разорвать — ничего не вышло. Значит, подходяще связал.

— Ну-ка, ложись.

И вот уже Валерка лежит поверх пушистых ветвей, как на перине. Если б только не болела нога и не хотелось так есть.

— Поехали! — бодро сказал Алешка и напряг все силы, чтобы сдвинуть волокушу. Ветви заскользили по земле и… выдернулись из-под Валерки.

— Руками держись… Эх, не умеешь!

Валерка обиженно засопел. Алешка помог ему сесть на волокушу снова, показал, как надо держаться за ветки, чтобы не упасть.

— Ага, — бормотал Валерка, — ты попробуй… У меня руки не держат.

— А ты все равно держись.

Алешка сделал несколько шагов. От напряжения дрожали ноги, а руки… казалось, они отнимаются. Но, крепко сцепив зубы, упрямо наклонив голову, Алешка прошел десяток шагов и… упал.

— Лешка, что ты? — позвал Валерка. — Ударился?

Алешка зашевелился, приподнял голову, влажные глаза блестели.

— Ты… плачешь?

За все дни блужданий по лесу Валерка ни разу не видел, чтобы Алешка плакал.

— Не плачу я совсем.

— А почему слезы?

— Ну и дурак.

Алешка встал, снова впрягся в волокушу, снова прошел несколько шагов и, споткнувшись, упал.

— Лешка! Встань! — требовал Валерка.

Брат не двигался и не отвечал. Это очень встревожило Валерку. Он подполз поближе, потянул Алешку за руку.

— Лешка, встань же!

— Зачем?.. Мне, может, полежать хочется.

— Так и сказал бы, а то молчишь…

Алешка провел рукой по лицу, потрогал голову. Почему она болит? Поднялся — ноги дрожат. Нет, тащить волокушу он не сумеет. Даже одного шага не сделает. Что же делать? Ведь нельзя сидеть. Может

быть, за этой поляной начнется лежневка, а там и поселок. Но как дойти до поляны?

— Лерка, знаешь что… Давай бросим волокушу. Тяжелая она и… неудобная.

Валерка кивнул:

— Противная волокуша.

— Пойдем лучше… Я помогу тебе.

Валерка подумал и вдруг сказал:

— Лешка, ты сам пойди… посмотри.

— А ты один останешься?

— Я подожду.

Алешка долго тер ладошкой затылок. Ну что скажешь? Может быть, в самом деле так лучше?

— Ладно… Дойду до поляны и посмотрю.

— А дальше ты не пойдешь?

— Вот еще… Чего б это я дальше пошел?

Алешка прикрыл Валерку курткой, хотя в лесу и не было холодно, и пошел.

Вслед ему очень внимательно смотрел Валерка.

Поляна была уже близко — метров пятьдесят, не больше, а за поляной, казалось, была еще одна поляна — и, наверно, побольше. А может быть, Алешке так казалось, просто лес там был пореже.

Алешка несколько раз оглядывался — далеко ли остался Валерка, и шел дальше. Наконец он вышел к поляне.

Вот она за кустиками, вот кустики позади, и Алешка увидел ее — большую, круглую, как большое зеленое блюдо.

Но что это? Зарод? Нет, не похоже. Разве бывают такие зароды?

Алешка прошел еще несколько шагов и как вкопанный остановился. Прямо перед ним стояла избушка. Отсюда она казалась крошечной, будто бы вышла из сказки и стала среди поляны, но у ней все было, что полагается у настоящих изб, — два окна, дверь и, главное, крыша. На миг Алешке почудилось, избушка валится набок, крыша пошла вниз, а окна… окна полезли вверх, и земля тоже стала уползать из-под ног. Чтобы не упасть, схватился руками за дерево, прислонился к нему. Слабость и тошнота постепенно проходили. Алешка открыл глаза и тихо позвал:

— Валерка, гляди! — словно Валерка был рядом.

Надо Валерку привести скорее. И Алешка поспешил обратно, к Валерке.

Увидев лицо брата, Валерка спросил:

— Что там, Лешка?

— Идем скорей… Увидишь.

Алешка подхватил Валерку под руки, помог встать.

— Что там, Лешка?

— Увидишь…

Вцепившись в Алешкину руку, опираясь на колышек, Валерка поковылял, ступая на носок больной ноги. Боль отдавалась во всей ступне, но Валерка терпел: там, на поляне, что-то было интересное.

И вот они на поляне.

ИЗБУШКА

— Что это? — спросил Валерка, не поверив себе.

Задыхаясь, вытянув, как гусенок, шею, Алешка почти потащил Валерку и, не дотянув пяти метров, оставил, бросился к избушке, распахнул дверь — она легко открылась, словно только и ждала, чтобы ее открыли.

— Лешка! — Валерка умоляюще смотрел на него. — Возьми меня.

Алешка вернулся, подхватил Валерку под руки и потащил за собой.

— Это охотничья…

— Сюда придут и найдут нас?!

— А что там, на столе?.. Смотри!

На столике у маленького, на четыре стекла, оконца лежало что-то черное. Алешка подбежал, схватил обеими руками.

— Хлеб!.. Рыба!.. И нож вот.

— Лешка!

— Поделим.

Алешка держал в одной руке хлеб и рыбешку, другой рукой помогал Валерке перебраться через порог, потом осторожно уложил его на полу.

Алешка внимательно осмотрел рыбу, хлеб и сказал:

— Вот тебе, а это мне… А это оставим. Съедим после.

Алешка взял нож — простой кусочек косы в черенках — и принялся пилить засохший хлеб. Это было не так просто — хлеб, наверно, лежал здесь не один день, но Алешка все-таки распилил его пополам, разломал и рыбу.

— Хвост или голову тебе?

Валерка смотрел то на голову, то на хвост.

— А ты что хочешь?

— Хвост.

— И я хочу.

— Бери.

Несмотря на то, что хлеб нельзя было укусить, острые зубы разгрызли его, не упало и крошки. Съели и рыбу.

Оставалось еще полкраюшки хлеба. Валерка все посматривал на него, и Алешка прикрыл хлеб курткой, подальше от соблазна.

— А… можно еще?

Алешка тоже, как и Валерка, был голоден, но он знал: все сразу есть нельзя, надо потерпеть. Об этом он и сказал:

— Помнишь Зиганшина и его товарищей? Когда их нашли, то стали кормить понемножку… А то бы они умерли.

— А рыбки можно?

— Рыбки?.. Ну ладно.

Братья съели еще и по кусочку рыбы. Теперь бы надо напиться, но воды в избушке не оказалось. Где же взять ее?

Мальчики осмотрелись внимательнее.

— Гляди, Лерка!.. Печка!

В избушке, почти у самой двери, стояла небольшая печурка, труба ее выходила через крышу, а на печке лежал целый коробок спичек. Богатство! А под кучей сухого валежника оказался котелок и поллитровая железная кружка.

— Вот кружка! Котелок!

— И мне покажи!

Валерка все ощупал, понюхал даже, чем пахнут находки, потом передал Алешке, который, не переставая, восхищался котелком и

кружкой, а спички высыпал на ладонь и каждую рассмотрел и снова вложил в коробок.

Охотники, по давнему обычаю своего братства, оставляют в лесных избушках все эти хорошие вещи: а может, кому-либо из охотников, забредших сюда, понадобятся? Не знали братья, что в таких избушках охотники обычно ночуют в зимние вьюжные ночи. Летом они заходят сюда редко. Не знали этого братья, и хотелось думать, что изба оставлена охотниками недавно, и они, наверно, скоро возвратятся и, возможно, принесут косого и зажарят его вот здесь, в печке. Зажарят — это хорошо, лучше и придумать нельзя. Ну, а пока до их прихода надо бы водички попить.

— Пойду воды поищу, — сказал Алешка; он встал, взял котелок, посмотрел на валежник, под которым он спрятал хлеб и остаток рыбы, и вышел.

"РАССКАЖИ ПРО ЗИГАНШИНА"

Хорошее настроение не покидало братьев до самого вечера. У Валерки даже нога стала не так болеть. Он то и дело окликал Алешку, возившегося у печурки, и брат отвечал так же весело.

Когда вода закипела, они выпили по целой кружке кипятка, заедая кусочком хлеба. А на закуску Алешка принес целую кружку ягод — в вечерней росе, вкусных, сочных.

Подкрепившись, братья договорились, что, пока не придут охотники, они из хижины не уйдут. Им казалось, охотники с минуты на минуту покажутся на опушке; разговаривая, они то и дело прислушивались: а вдруг шаги, выстрел, лай собаки?

Дверь оставалась приоткрытой, и в хижину лился чистый лесной воздух, ветерок шевелил ветки, словно котенок трогал лапой.

— Когда же они придут? — уже третий раз спрашивал Валерка.

— Вечером, наверно… Зачем им ночевать в лесу? А вдруг дождь или еще что-нибудь?

— Или волк. Правда, Лешка?

— Волков-то они не боятся. У них — ружья.

— Да, они не боятся. — Валерка приподнялся на локте, прислушался: — Лешка, пусть дверь будет закрыта… А то мы заснем и… забудем.

— Я закрою.

— И колышком подопри.

— Ладно.

Алешка сделал все так, как просил Валерка. Полешками, которые еще остались возле печурки, он подпер дверь, потолкал слегка — хорошо ли, надежно.

— Порядок.

Потом лег на свободное место возле Валерки и задумался. Вспомнилось последнее утро дома. В кухне плавал густой синеватый сумрак. Сели за стол. Мать придвинула полагушку с молоком, миску с шаньгами. Есть не хотелось, а мать подкладывала еще и еще. "Ешь, сынок, может, на целый день идешь". А он не ел, так только жевал, чтобы успокоить мать. Валерка же съел и того меньше, кажется, мать сказала, что он только полкружки молока выпил, а к шаньгам и не

притронулся. В наказание за это отец обещал оставить Валерку дома, и жаль, что не оставил. Может быть, они бы теперь не плутали…

Вспомнился и последний день в школе. Петр Никодимыч, прощаясь, говорил, что летом надо загореть, поднабраться силенок, теперь-то они ученики четвертого класса. "Алеша с отцом, наверно, и на лесосплав пойдет", — сказал учитель. Вот он и выполнил пожелание учителя: загорел и окреп — еле ноги носит, и лесосплав увидел — столько лесу, что в глазах рябит…

Валерка завозился рядом, вздохнул, словно ответил брату, и затих. Но он не спал. Он тоже думал и смотрел на брата, на его острый нос, на треугольники скул, на выпуклый лоб и робел чего-то: ему казалось, Алешка не дышит, с ним что-то нехорошее случилось. Валерка даже приподнялся на локте и прислушался к дыханию брата, но, услышав, как Алешка посапывает с тонким, еле уловимым посвистыванье, успокоился, и самому вдруг захотелось спать.

Ночь в избушку вошла неслышно, невидимой мягкой кистью окрасила в темный цвет желтый, низко нависший потолок, синие квадраты оконец, стол, высокий порожек, печурку с трубой.

За стеной шушукались о чем-то своем, совершенно непонятном, таинственном, пихты, попискивала в ветвях пичуга и то затихала, то снова начинала свое. В лесной чаще пел дрозд: "Чай-пить, чай-пить выпьем… Выпьем ну-ка, кто скорей, ну-ка, кто скорей". Он, наверно, сидит на макушке ели или сосны, не вертится, как скворец, а спокойно, вытянувшиеь, слегка подняв клюв, оглашает окрестности своими призывами "чай-пить".

— А мы уже попили, — прошептал Валерка, когда дрозд умолк.

Тишину вдруг раскалывает тихое стрекотанье, будто трещит сорока, но это не сорока, это глухарь. Валерка знает, какой он; с

негромким шелестом глухарь веером развертывает хвост. Интересный и тетерев-косач. Чу, это он затоковал. Угольно-черный, с красными бровями и хвостом, похожим, как говорит папка, на лиру. Однажды ребята поймали подбитого тетерева. Валерка унес его домой, перевязал крыло, лечил. Мама какую-то мазь прикладывала. Долго жил он у них, а когда совсем выздоровел, улетел в лес: окно-то мамка нарочно открыла. Ну и ладно, в лесу птице веселей, а в избе ей, наверно, скучно, еще затосковала бы и заболела снова.

Птичье пенье постепенно утихло, а Валерка все не засыпал. Повернувшись на бок, посмотрел на Алешку.

— Спишь?

— Нет.

— Расскажи про Зиганшина и про его товарищей.

— Спать хочется.

— Ну, расскажи.

— Будто не знаешь. Папанька рассказывал, и читали мы.

Алешка умолк, Валерка подумал, что он уснул, но вдруг Алешка тихо сказал:

— Они не сдавались. Как и мы… Мы тоже не должны.

— Помнишь, как они гармошку сварили?

— Какую гармошку?

Алешку одолевала усталость, и он говорил сквозь сон, еле ворочая языком. Валерка не отставал:

— И ничего ты не помнишь… А мне пить хочется…

— И мне… От рыбы, наверно.

— А вода в котелке осталась?

— Посмотрю сейчас.

Алешка приподнялся на локте, пошарил в темноте рукой, котелка на месте не было, он встал, ползком добрался до печки, протянул руку и нечаянно толкнул котелок. Он упал и, позванивая, покатился по полу, пролилась вода.

— Эх, неладно получилось.

— Разлил?

— Ага.

— А я пить хочу.

— Потерпишь до утра… Ничего с тобой не случится.

— Очень хочу пить.

— Ладно, сейчас принесу…

Алешка встал, взял котелок и, отбросив колышки, открыл дверь.

— Лешка, не ходи далеко, — позвал Валерка. — И скорей возвращайся!

— Я скоро.

По лесу плыл туман, он закрывал всю поляну, и казалось, в нем плавают не деревья, а только вершины. Алешка помнил, куда он ходил за водой, и теперь держался того же направления. Источник был не дальше чем в ста метрах, за бугром, он обнаружил его сегодня и теперь найдет его, что ему туман. Он бы нашел его с завязанными глазами, и Алешка уверенно шагал по поляне. Миновал поляну, взошел на бугор; по его предположениям, источник должен уже быть, но его не было, и он забеспокоился, оглянулся: избушка исчезла, будто растаяла в тумане. Постояв немного, он повернул обратно, но, пройдя шагов десять, снова остановился: нет, кажется, не туда.

Он кружил на одном месте и не знал, правильно идет или нет. Потом решил, что лучше посидеть где-нибудь под кустом, подождать, пока развеется туман.

От земли шел сырой запах гнили и травы. Земля была холодная. Познабливало.

Подмигивали какие-то светлячки, потом они погасли, и со всех сторон надвинулся туман. Алешка понимал, что бояться нечего, страх — последнее дело, но совсем побороть себя не мог. При этом он все время думал о Валерке. Как он там? Будет звать его, не заснет, а дверь раскрыта. Надо было закрыть. И как он не догадался? Но разве он думал, что задержится?

Где-то совсем недалеко захохотал филин. От этого хохота волосы на голове зашевелились, а по спине побежали мурашки. Алешка еще сильнее поджал под себя ноги, забился под куст, будто таким образом мог спрятаться от всевидящих глаз лесных чудищ.

В это время что-то теплое, мягкое потерлось о его босую ногу. Алешка отпрянул, но это неизвестное ткнулось в плечо. Он вскинул руку, чтобы оттолкнуть.

— Ураган?!

Собака, отзываясь на ласку, потерлась мордой о колено.

...Валерка прождал несколько часов брата и, потеряв терпение, решил выбраться из избушки, чтобы позвать его. Помогая себе обеими руками, чуть приподнимая больную ногу, он ползком добрался к двери и крикнул:

— Лешка! Лешка-а!..

Слабое, еле слышное эхо покатилось по лесу и, словно возвратившись, у самой поляны растаяло.

Валерка позвал еще раз. И снова никто не ответил. Лишь по-прежнему приглушенно шумели столетние пихты и филин смеялся заливисто и весело.

Мальчик застыл у порога, не в силах двинуться с места. Ему чудилось: со всех сторон из белого, как сказочный лунь, тумана движутся невиданные лесные чудища, тянут к нему скользкие цепкие щупальца и вот-вот схватят за лицо, дотянутся до горла. Дышать стало трудно, дыхание застревало в горле, Валерка громко, во всю силу закричал: "А-а-а!", но голос его тут же потонул в тумане, словно в колодце.

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Люди из бригады Боярова в лес уходили попеременно. Брали плащи — на случай дождя, охотничьи ружья — вдруг росомаха или волк перейдет дорогу. Бояров уходил с ними и возвращался позже всех.

Десять дней миновало в непрестанных хождениях по лесу, хотя розыскные собаки еще в первые дни возвратились ни с чем, а вертолет тоже ничего не обнаружил.

И все-таки каждый день в лес шли все новые и новые группы. В поселке говорили, что ничего страшного не могло случиться с ребятами. Да они и не маленькие; Алешка — парень смышленый, сам не пропадет и брату не даст пропасть. Уж это так. Теперь вспоминали, какой Алешка крепыш, он и бегает быстрее всех и костер умеет разжечь из сырых сучьев. Конечно, Алешка не пропадет. А Валерка? И этот не слюнтяй какой-нибудь — упрямый, в отца пошел.

— Нет, ребята не сдадутся, ведь они, что ни говори, из потомственных поморов. Дед Парфентий какой был? — И все вдруг вспомнили, как не раз, бывало, дед Парфентий один на один выходил на медведя. Внуки у такого деда тоже не из робкого десятка.

Но дни шли, а слуха о ребятах все не было. Люди ломали головы, где их искать, в каком участке, в каком уголке?..

Каждый день Бояров писал письма всем, кто его знал. Таких писем он написал уже штук сорок. Сначала кратко сообщал о своем горе, потом просил о помощи. Он знал: получив такое письмо, человек не останется глухим к его просьбе; каждый, кто может ходить, пойдет в лес.

Сегодня он написал еще одно письмо — в соседний с Пинежским район — старику Арсентию Абрамову. Знались Бояровы с Абрамовыми давно, даже какими-то дальними родственниками приходились. Виделись, правда, редко, но случалась свадьба, именины, тогда

приезжали друг к дружке обязательно. Старик Абрамов был известный в округе охотник и следопыт, и, если здоров, он, не мешкая, пойдет в лес. Надо бы ему первому написать, но словно из памяти выпало. Заклеив конверт, Бояров вышел из дому.

На улице его ждал Алехин в полном снаряжении: с плащ-палаткой и ружьем за плечами. Молча поздоровались.

— Сегодня на пятый сходим, — предложил Алехин.

— Давай на пятый, — согласно кивнул Бояров.

Острые скулы Боярова, туго обтянутые коричневой, жесткой, словно пергамент, кожей, шевельнулись, он не поднял красных от постоянного недосыпания глаз. Угловатые широкие плечи сутулились. Воротник рубахи, темный от пыли и пота, свободно облегал жилистую шею. Плетьми висели большие руки.

Алехин сочувственно смотрел на товарища. Хорошо, что он не показал Боярову корзину, найденную возле промоины на болоте. Хорошо-то хорошо, но, может быть, стоило подготовить человека к худшему? Жена его тоже ничего не знает, кроме того, что ребята где-то заблудились и, как все в поселке говорят, наверно, подались в соседний район.

— С пяти районов люди на поисках, — сказал Алехин. — Участковый говорил.

Бояров молчал.

— Мне сдается: не сегодня-завтра найдем их… Вот чует сердце… Ты духом не падай…

На опушке Алехин задержался.

— Сегодня вышла вся бригада. Смеляков, Игнашкин, старик Потапов.

Все поле впереди леса в разных направлениях было усеяно людьми. Шли группами в два и три человека.

Многое передумал в эти дни Бояров; всю свою жизнь, как по книге, перелистал с того дня, когда себя помнил. И каким был к детям своим, вспомнил. Жалел, что обижал их, наказывал, каждое слово, громко сказанное ребятам, вспоминал и горько укорял себя за горячность, несправедливость. Он был бы сейчас не таким. Не таким…

Дошли до Журавлевых ручьев. И здесь Алехин предложил сделать привал — небольшой, на несколько минут, но Бояров отказался: он совсем не устал.

Алехин не стал перечить, хотя и видел: Бояров еле держится на ногах.

Прошли еще километра два, и вдруг Алехин заметил: Бояров отстает, шаги его отяжелели.

— Антон, я же говорил, — сказал Алехин и крикнул товарищам: — Привал, братцы!

"ЛЕШКА, ГДЕ ТЫ!"

Из раскрытой двери тянуло лесной свежестью. Глухо стонал от вечной бессонницы лес; в ночном небе двигались вершины сосен, словно ловили на свои отточенные пики зазевавшиеся звезды.

Валерка чутко, встревоженной птицей слушал: не стукнет ли дверь, не окликнет ли его Алешка? Но, кроме лесного шума, ничего не слышал.

Хоть бы скорей он возвращался. Принес бы свежей воды, они бы напились и, заперев дверь, дождались бы утра. Но Алешка не шел.

Мальчик приподнялся на локте, попытался выглянуть в дверь, но там, за дверью, ничего не увидел. У самого порога стояла мохнатая черная ночь. Ну и что — Валерка не побоится. Надо выбраться из избушки, может быть, Алешке помощь нужна? Как он раньше об этом не подумал?

Валерка встал на четвереньки и пополз. Сантиметр за сантиметром двигался он все дальше и дальше. Это было не так легко, как показалось сначала. Надо было остерегаться, чтобы не удариться, но главное — ослабели руки, они еле удерживали его, дрожали, подламывались, как спичечные. Валерка задыхался, на лбу и на носу крупными каплями выступил пот. Чтобы перевести дыхание, он останавливался, ложился на бок и лежал так некоторое время, потом снова поднимался и полз. Вот он миновал ямку за дверью, еще немного — и он будет посреди поляны.

Никогда в жизни Валерка не проделывал такого длинного и утомительного пути. Раньше ничего не стоило пробежать целый километр без передышки, а если надо, то и два. А сколько раз он ходил по лесу и ни капельки не уставал? Теперь же проползти один шаг во много раз труднее, чем пробежать тысячу метров. И с чего он так ослабел?

Однако надо ползти, взобраться на бугорок и оттуда крикнуть, позвать Алешку. Может, он ждет, чтобы Валерка окликнул его. Мальчик делает несколько движений и неожиданно упирается в бревно. Оно лежит поперек пути. Днем его, кажется, не было. Так или иначе, а его надо переползти, но пока он отдохнет немного, хоть две-три минутки.

Валерка кладет голову на твердый, пахнущий смолой обрубок. Перед глазами — непроходимая лесная чаща, полная неизведанной таинственной жизни. Там и брат его. Почему он только не отзывается?

— Лешка-а!

Где-то близко послышалось в ответ: "а-а-а". И вдруг заливистый хохот прокатился по лесу. Валерка сжался, стараясь сделаться как можно меньше, незаметнее. Показалось, хохотали здесь, рядом. Это, наверно, все тот же филин. Вспомнились рассказы отца об этих лесных птицах, по ночам ухают, хохочут, но их не надо бояться. Валерка осмелел и несколько минут спустя снова позвал:

— Лешка!

Он старался кричать сколько есть сил, но голос его тонул в лесном шуме. И все равно через каждые одну-две минуты Валерка звал Алешку, и лес ему отвечал слабым эхом.

Валерке вдруг показалось, что во всем этом огромном лесу никого, кроме его одного да еще ночных птиц, нет, никто никогда не придет сюда. И совсем он не герой, как говорил сегодня Алешка, он обыкновенный мальчик, который хочет пить и есть и хочет домой и которому страшно в лесу, хотя филина он и не очень боится. Если даже эта птица прилетит сюда и сядет рядом на поваленное дерево, у Валерки найдутся силы отогнать ее от себя; вот лежит ветка, он ухватит ее и так махнет, так стукнет этого противного филина, что чего-чего, а хохотать он больше не будет…

Слезы помимо воли лились и лились. Он не стирал их, а слизывал языком, а они все равно попадали в нос и рот.

— Лешка! — шептал Валерка, надеясь, что брат все-таки услышит и придет.

И вдруг, словно в ответ на его зов, где-то недалеко послышался шорох, потом шаги и шепот:

— Лерка!

Валерка сразу ничего не ответил, с робкой надеждой спросил:

— Ты?

Ночная темень ответила голосом Алешки:

— Я.

А через секунду Алешка был рядом с Валеркой. И кроме того, с ним был Ураган, самый настоящий, теплый, живой.

Валерка протянул руку, ощупал острый локоть Алешки и всхлипнул:

— Где ты был, так долго?

Алешка старательно вытер ладошкой мокрое лицо брата.

— Заблудился… А ты зачем вылез?

— Звал… тебя.

— Если б не Ураган, я бы не нашел дороги.

Алешка помог Валерке вернуться в избушку, потом, позвав Урагана, заложил дверь.

— А воды я не нашел.

— Потерпим до утра… Я могу, — сказал Валерка, боясь, что Алешка, чего доброго, снова уйдет за водой.

— Малиновка запоет — и сразу утро придет… Скоро уже.

Алешка прилег на березовые прохладные ветки. Валерка носом ткнулся ему в плечо.

— Ураган! — позвал Алешка. — Сюда!

Ураган примостился в ногах мальчиков; шумно вздохнув, положил голову на большие, как подушки, лапы.

"А ТЫ… СУМЕЛ БЫ!"

В хижине стало совсем светло, когда Алешка проснулся.

Под самой стенкой неслышно, чуть раскрыв рот, посапывал Валерка, изредка почмокивал губами и стонал, тогда Ураган поднимал голову и внимательно смотрел на спящего.

Несколько минут Алешка лежал неподвижно, соображая, где он и что с ним. Но, увидев Урагана, Валерку, вспомнил все. Ураган смотрел прямо в глаза, будто хотел что-то сказать. На боку у него запеклись две узкие рваные раны — следы волчьих клыков. Наверно, и волку не поздоровилось — вон какие у собаки лапы и зубы, надо думать, не слабенькие.

— Ураган! — Алешка погладил его. — Ты побудь здесь, а я за водой схожу. Ладно? Валерка пусть спит.

Ураган вильнул хвостом и остался лежать на месте.

Неслышно ступая, Алешка вышел и прислонился к стене — так ослепительно светило солнце и так вдруг закружилась голова. Сел на влажную траву, росой обмыл лицо. Потом встал, чтобы идти, но небо вдруг медленно поехало вниз, а земля… двинулась из-под ног, деревья тоже стали клониться и падать все влево, влево.

Алешка не мог понять, что с ним. Он мог упасть и, боясь этого, медленно опустился на коленки и лег на бок.

Сквозь зеленые иглы сосен проступала ослепительная синева неба, она была настолько чистой и синей, что на глаза набегали слезы.

Прямо над головой на ветке сидела малиновка, она любопытно посматривала на лежащего мальчика, косила глазом, потом ее что-то испугало, и она улетела. На той же ветке появилась белка, закачалась, будто на качелях, в зубах у нее темной медью сверкнула сосновая шишка. Белка тут же пропала, словно и не было ее совсем.

Алешка почувствовал, как засосало под ложечкой. И тогда же в двух шагах от себя увидел веточку черники и на ней три еще не созревшие ягоды, подполз ближе, сорвал их и, не разжевав, проглотил. Тошнота понемногу проходила, сосны перестали кружиться, небо стало на свое обычное место.

Алешка встал, сделал несколько шагов и снова чуть не споткнулся — под ноги попала большая суковатая палка. Он подумал, что с палкой идти легче, нагнулся и поднял ее. В самом деле, легче. Так и пошел, опираясь на нее, еле слышно позванивая котелком.

Озеро за подлеском открывалось с бугорка, на нем рассыпалась водяная гречиха, плавали кувшинки лилий. Вот бы дойти туда, посмотреть, что там, за озером. Может быть, ягоды есть, грибы? Но дойдет ли он туда теперь? Слишком далеко. А вот и родник. Алешка напился, набрал воды в котелок. Когда встал, чтобы возвращаться, в

десяти метрах от родника увидел серый шерстяной носок; он был уже старый, поношенный, но ходить в нем еще можно, и Алешка запихал его в карман — пригодится. Отдохнув немного, отправился в обратный путь.

Пока Валерка спит, он согреет воду. А потом… потом он подумает, чем заняться… Алешка не раз видел, как мама готовила. Однажды он попросил ее рассказать, как делаются кисель и щи. Мама рассмеялась: "Поваром стать собираешься?" Он ответил: "Не поваром, а моряком, моряку все надо уметь". Мама внимательно посмотрела на Алешку и рассказала, даже показала, как варят кисель, как приготовляют суп, как пекут шаньги. Если бы нашлась капуста, он бы сейчас такие щи соорудил. Но где в лесу достанешь капусту? Не стоит и думать об этом. Хорошо бы суп сварить. Но из чего? Разве вместо круп гвоздь какой-нибудь бросить в котелок, как тот солдат из сказки? Гвоздь… А если… Нет, ничего, наверно, не получится. Зиганшин и его товарищи могли, они настоящие моряки, а они с Валеркой не смогут, наверно.

Издали Алешка увидел Урагана, он лежал у порога и, как видно, поджидал его. Ураган взвизгнул и метнулся навстречу. Вместе они возвратились в хижину.

Валерка, оказывается, уже проснулся. Увидев брата, привстал на локте, старался заглянуть в котелок:

— Принес?

— Да… Сейчас нагрею… И еще погляди. — Алешка вытащил из кармана серый шерстяной носок.

— Носок?

— Нашел… Иду, а он лежит… Надень его — ноге будет теплее.

— Ладно.

С трудом Валерка натянул на больную ногу носок. Алешка между тем, присев возле печурки, сложил в ней полешки аккуратным столбиком, поставил и укрепил сверху котелок с водой.

— Сейчас закипит… Попьем.

— А… грибы искал?

— Смотрел… Нет их нигде… Может, дальше сходить?

Валерка сделал испуганные глаза:

— Не ходи, Лешка… заблудишься…

Валерка беспокоился о нем, Алешке, о себе же ничего не говорил, моргал пушистыми ресницами, пошмыгивал носом. Голова его на тонкой шее чуть-чуть дрожала, и кожа за ушами стала желтой, как у старика.

Вдруг послышался вздох. Это Ураган. Положив лохматую голову на лапы, он неотрывно смотрел на ребят.

— Что ты, Ураган? — спросил Алешка и погладил собаку. Подбросил несколько полешек, огонь вспыхнул ярче, языки пламени выпрыгивали из печурки, норовя опалить больную ногу Валерки.

— Отодвинься, я помогу тебе… И может, перевяжем?

— Давай.

Алешка осторожно снял носок и, чтобы не причинить боли, стал аккуратно разматывать потемневшую тряпицу. Процедура

развязывания длилась долго, но Валерка все это время не произнес ни единого слова, что очень удивило Алешку. Наконец нога развязана.

— Во! Смотри!

Алешка радовался больше Валерки. В самом деле, нога стала мягче, а нарыв прорвался.

— Теперь мы снова положим подорожник, и он все вытянет. Посиди так, а я схожу принесу свежего.

Алешка вышел. Прошло немного времени, и он вернулся с темно-зелеными листьями подорожника; отмыв их горячей водой, приложил к ноге. Потом завязал и поверх повязки натянул носок.

— Порядок!

Между тем вода в котелке закипела, и Алешка палочкой достал его из печурки и поставил у порога.

— Пусть стынет.

Пока кипяток остывал, ребята сидели молча. Потом по очереди пили из кружки горячую воду. Валерка пил, вытянув губы дудочкой, Алешка хлебал громко, с шумом, вытирал влажный лоб рукавом, втягивал носом воздух и снова хлебал.

Кончив с чаепитием — ягод не было, и пришлось этим ограничиться, — Алешка помог Валерке выбраться на порог.

Щурясь от солнца, Валерка сказал:

— Будем ожидать охотников. Кто первый увидит!..

Алешка молча кивнул: ожидать так ожидать. В душе он уже не надеялся, что охотники найдут их в заброшенной лесной избушке. Надо самим думать, как выбраться из таежного плена. Самим… Нечего надеяться на охотников. Теперь он вспомнил, что хлеб был черствым, как камень, и такая же рыба. Значит, охотники здесь были очень давно, может, зимой еще. Алешка понял это раньше Валерки, но не хотел об этом говорить. Валерка надеется и пусть, так лучше, и он повторял за Валеркой, что охотники должны прийти, может быть, сегодня к вечеру или завтра, а послезавтра обязательно.

— Лешка, а можно… есть желуди? — спросил Валерка, укладываясь на бок у порога так, чтобы видеть кусочек поляны и зеленую тропку, ведущую на пригорок.

Алешка задумчиво покачал головой:

— Можно, но их здесь нет.

— Нет, — вздохнул Валерка.

Алешка внимательно посмотрел на Валерку. Какой он стал худой! Запавшие глаза и щеки, тонкая шея, на которой, казалось, еле держалась непомерно большая голова, Белые волосы прилипли к вискам. Руки как спички. И он, Алешка, такой стал. Сегодня, когда он брал воду в источнике, увидал себя — и не узнал. Из расстегнутой рубахи торчала плоская грудь, нос будто клюв.

Валерке есть хочется. Ему тоже. Полкружки ягод на день, да еще на двоих, — не попрыгаешь. Поэтому и сосет под ложечкой не переставая.

"А что, если сварить ботинки? Как Зиганшин и товарищи его…" — Алешка уставился на ботинки, стоявшие у порога. Валерка перехватил взгляд, спросил:

— Ты почему на них смотришь?

— Так… Думаю…

— О чем?

— Как сварить их.

— А ты… сумел бы?

Алешка взял ботинки и пошел к столу:

— Попробую.

АЛЕШКИНЫ БОТИНКИ

Ботинки были как ботинки — еще хорошие, правда, подошва потертая, но верх почти новый, а это главное. Одно было не совсем приятно: накануне, перед походом в лес, Алешка намазал ботинки гуталином, и теперь даже под слоем пыли следы его оставались.

Но кто знал, что эти самые ботинки придется варить? Поразмыслив, Алешка решил, что это не самая большая беда, горячей водой и ножом он все очистит.

Положив на стол ботинок — другой он оставил в резерве, — Алешка поставил рядом котелок и принялся за работу. Валерка не принимал в этом участия, но неотрывно следил за братом. Ураган, лежа у порога, тоже смотрел.

Работа, несмотря на кажущуюся легкость, очень утомляла. Надо было чистить и чистить, чтобы избавиться от гуталина и его запаха. Каждые две минуты Алешка откладывал нож, шумно вздыхал, вытирал

обильный пот на щеках и подбородке и снова принимался за дело. Валерка, наконец, не выдержал:

— Скоро ты?

Алешка утвердительно мотнул головой, но ничего не ответил; склонив голову чуть набок и высунув кончик языка, он водил взад-вперед ножом.

Наконец ботинок очищен. Теперь надо его порезать.

— Здесь режь, — Валерка ткнул пальцем на пол рядом с собой.

— А зачем?

— Так.

— На столе лучше.

Очистил стол от грязи и, потрогав пальцем нож — острый ли? — Алешка положил перед собой ботинок и отрезал верх, потом разделил его на мелкие части — узенькие желтые полоски.

— Зачем так мелко?

— Они тоже так делали.

— Зачем? — не отставал Валерка.

— Сварится скорее… Понял?

— Ага.

От ботинка остались подошва и каблуки, все остальное — разрезанное на мелкие полоски — Алешка бросил в кружку и еще раз перемыл. После этого растопил печку и поставил котелок на огонь.

Валерка ползком придвинулся ближе к печке, чтобы видеть, как будет вариться ботинок.

В избушке становилось теплее, скоро печка раскалилась докрасна, но братья не отодвигались от нее. Наоборот, они одновременно подбрасывали в печку валежник и, если бы печка могла вместить больше, бросили бы всю охапку сразу. Лица их раскраснелись, и странно было видеть худенькие, острые подбородки красными. Большие уши просвечивали против огня папиросной бумагой.

В котелке появилась накипь, Алешка старательно снял ее палочкой.

— Попробовать бы, — вздохнул Валерка.

Алешка помешивал палочкой в котелке и вдруг, вспомнив что-то, встал.

— Я сейчас.

— Куда ты?

— Помешивай пока, я сейчас…

Алешка вышел и тотчас вернулся, в руках он нес небольшую березовую палку.

— Зачем она?

— Ложки сделаю.

Алешка подточил на пороге нож и принялся за работу. Измерив примерную длину ложки, отрезал кусок палки, потом вырезал еще один такой кусок. Тщательно очистив от коры, принялся выстругивать углубление, какое бывает в ложках.

— Не сделаешь ты.

— Ты знай помешивай.

Алешке пригодились навыки, приобретенные дома, когда он, бывало, помогал отцу мастерить. "Человек все может, — говорил отец, — если поверит в свои силы". Силы у него теперь не ахти какие, но все равно он ложки сделает.

Ложка — пустяк, а попробуй выстругать. Необходимы сноровка, терпение и аккуратность. Сноровка у Алешки была, дома он рамку для дедова портрета смастерил, игрушки Катьке делал. Даже на школьную выставку брали мельницу и бодающихся козлов.

Первая ложка была почти готова, оставалось очистить ее от сучков и задирок.

— На, возьми.

Валерка взял ложку, осмотрел ее:

— Чур, моя.

— Твоя... Я еще сделаю.

Алешка принялся за вторую ложку, а котелок между тем уже закипал.

— Скоро уже? — взмолился Валерка.

— Сейчас попробую.

Зачерпнул ложкой немного жижи, подул, чуть-чуть отхлебнул и, поморщившись, выплюнул.

— Горячо и… противно.

— И я попробую.

— Погоди.

Алешка молча старательно вытирал ложку березовым листиком.

— Ну как, Лешка?

— Не сварился и… вообще.

Остренькое лицо Валерки помрачнело, а в глазах — мольба: скорей же! Алешка отвернулся.

— Пусть поварится, а то… заболеем… Ну, пять минут.

— Ого, сколько!

Но надо подчиниться: Алешка знает, раз говорит так. А ждать становилось невмоготу.

Не отрываясь Валерка смотрел на котелок, в котором варился ботинок. Большими умными глазами смотрел и Ураган, ноздри его чуть-чуть шевелились.

Догорал в печке валежник, потрескивали, покрываясь пеплом, веточки пихты.

Когда котелок наклонился в сторону — под ним переломилась перегоревшая ветка — и немного жидкости пролилось, братья одновременно бросились к печке и руками поддержали его. Потом они дули на пальцы. На глазах Валерки закипели две слезинки, но он молчал, не жаловался.

Наконец мальчики решили: пора! Алешка взял палку, поддел ею проволочку и осторожно вынес котелок из печки, поставил на пол.

Несколько секунд Валерка смотрел, как постепенно перестает кипеть желтоватая жижа, и, уже не спрашивая разрешения, взялся за ложку, еще пахнущую березой, свежестью леса, шершавую, не очищенную как следует. Ложки братьев столкнулись в котелке.

Жидкость обожгла немыслимой горечью. От кусочка кожи, попавшегося Алешке, остро несло… гуталином. Он не смог проглотить его и, морщась, выплюнул.

А Валерка, сложив губы дудочкой, тянул из ложки горячую мутную жидкость, ревниво посматривая на брата. А тот вдруг взял котелок и, приподняв его за проволочку, понес к порогу.

— Куда, Лешка?

Алешка не обернулся, переступил порог и все выплеснул. На песке свернулись белые полоски кожи.

— Зачем?!

— Нельзя. Заболеем.

— Может быть, другой ботинок был бы… вкуснее?

— Не будем больше варить.

Отчего и когда у Алешки появилась такая твердость, он и сам не знал. "Лучше, — подумал он, — ничего не есть, одну воду пить, кору грызть, чем есть кожу с гуталином".

— А они-то ели, — сказал Валерка.

Алешка понял, кого имел в виду Валерка, и сказал:

— Гармошка без гуталина… И потом у нас есть вода, а ягоды были вчера… Может, и сегодня найду… Знаешь, я схожу поищу… С Ураганом пойду.

Валерка безропотно согласился:

— Иди, только возвращайся скорей, а то… одному плохо.

— Приду. Не бойся…

…Их не было долго — может, час, а может, и больше, но Валерка терпеливо ожидал, чутко прислушиваясь к каждому шороху на поляне. Когда, наконец, Алешка и Ураган показались на бугорке, Валерка и не почувствовал, что плачет: брат что-то нес в котелке, карманы были оттопырены. На этот раз Алешка принес не только ягод, ему удалось набрать с десяток груздей.

В этот день братья ели почти настоящий грибной суп — пусть без соли, без лука, но грузди были необыкновенно вкусными, жаль только, что их было мало. Мальчики и не заметили, как их не стало. Поев, Валерка спросил, где Алешка достал грибы, и брат рассказал, что он

ходил с Ураганом далеко, по ту сторону озера, и, если бы не Ураган, Алешка не дошел бы — собака почти тащила его на себе. Валерка спросил:

— А он ел?

— Ураган?.. Воду пил и ягоды какие-то обрывал…

После еды захотелось поспать, и мальчики задремали.

Последние лучи солнца окрасили в красное пустой котелок у печурки, березовые ветки на полу, бледные лица ребят. У раскрытой двери красным изваянием застыл Ураган. Маленькие, в четыре стекла, оконца, вспыхнув, запылали. Но вот они потускнели, медленно догорал раскаленный диск солнца.

Величественно замерли сосны и пихты. Поляна стала меньше, теснее, кусты придвинулись к избушке.

В раскрытую дверь потянуло вечерней свежестью. В печке давно погас огонь, дрожал, готовый рассыпаться, мягкий пушок пепла.

Ураган не спал, хотя глаза его были прикрыты. Маленькие уши изредка приподнимались, становились как бы острее, черные ноздри шевелились. Внезапно он вскинул голову, угрожающе заурчал, но, словно боясь потревожить уснувших, не залаял и вдруг вскочил на ноги, шерсть на нем вздыбилась.

Минуту спустя братья проснулись.

ПОЕДИНОК

В первое мгновенье Алешка ничего не увидел. Стремительные тени исписывали поляну вдоль и поперек. Желтый рог луны прятался за лохматыми вершинами деревьев, и в ее призрачном свете ненастоящими казались кусты на бугре и сам бугор, за которым лежало болото.

Тени на поляне вдруг заметались. Всполошенно закричала ночная птица и, с шумом сорвавшись с дерева, улетела куда-то в ночь, в глубину леса.

На самой середине поляны послышался угрожающий рев, и тотчас Алешка увидел огромного марала, пригнувшего к земле голову. Лунный луч, вынырнув из лохматой гривы деревьев, коснулся его могучей шеи, отливавшей бронзой.

В трех шагах от марала стоял медведь. Лось хотел было уйти, он сделал огромный прыжок в сторону, но уйти ему не удалось. В то же мгновенье прыгнул и медведь. Он был сильный, злой и, как видно, голодный. Лось не побежал дальше, он обернулся и ударил медведя передней ногой. Удар был могучий, от такого удара не каждый зверь был бы в состоянии подняться, силу его почувствовал и медведь, он отпрянул, присел на задние лапы, но тотчас поднялся и с новой яростью бросился на марала. Тот снова мощным ударом копыта бросил медведя наземь.

Алешка затаив дыхание следил за схваткой. Он не заметил, как подполз Валерка. При каждом падении медведя мальчики облегченно вздыхали. Валерка впился пальцами в порог, стараясь унять внезапно охвативший его озноб. Его состояние, как видно, передалось Урагану — собака дрожала тоже. Казалось, мгновенье — и она бросится в схватку, но Алешка, обняв Урагана за шею, прижимал его к себе, и он не противился, повиновался, хотя мог бы легко вырваться и убежать.

Иногда рог луны тонул в набежавшей туче и становилось темно, но глаза, привыкшие к сумраку, ясно различали все, что делалось на поляне. Когда луна освобождалась от туч, отчетливее виднелись и блеснувший на мгновенье глаз марала и оскаленная пасть медведя.

Медведь еще раз бросился на лесного богатыря. Злобный рев огласил лес, и казалось, листья на деревьях задрожали.

Лось снова ударил медведя копытом, но тот поймал лося за верхнюю челюсть — там, где нет у лося резцов. Зверь держал марала мертвой хваткой.

Выбившись из сил, лось подогнул передние ноги, а затем боком положил на землю голову. Сейчас же медведь перехватил лося за горло, и вскоре тот перестал шевелиться. Медведь постоял несколько минут над лосем, жарко и злобно урча, потом оттащил его в кусты и завалил хворостом — "положил квасить", вспомнил Алешка рассказы старых охотников о таких поединках. Медведь все это проделал быстро, привычно, причем он не обратил никакого внимания на мальчиков и собаку, хотя они все время следили за ним. Он был, видимо, уверен: никто в лесу не посмеет на него напасть и не тронет марала, спрятанного в надежном месте.

Валерка от озноба ничего не мог сказать. Молчал и Алешка, он смотрел в ту сторону, где только что исчез медведь, на страшную кучу хвороста, которая будто бы еще шевелилась.

Первая мысль у него была: пойти и, пока нет медведя, отрезать немного от убитого марала, но он тут же отогнал эту мысль — медведь, наверно, далеко не ушел, он где-то бродит поблизости и сторожит добычу.

— Лучше не пойдем, — сказал Алешка.

— Куда?

— Туда. И Урагана не пустим.

Алешка вовремя подумал об Урагане: он рвался из хижины, чуя добычу, но Алешка не пускал его и сделал правильно.

Вскоре на поляне разыгрался новый поединок. На этот раз он длился очень недолго.

Подперев дверь палкой, Алешка поспешил к окну.

"НЕ ВЕРНЕТСЯ ОН"

Перед окном промелькнуло несколько теней, они то сплетались в клубок, то разбегались, отчетливо слышалось злобное рычанье. Сверкали глаза, и, как удары бича, щелкали зубы. Никогда еще Алешка так близко не видел волков, не слышал голодного воя. Волка, что однажды ночью напал на их стоянку, отогнал Ураган, он внезапно появился и так же быстро исчез; Алешка ничего не успел заметить. Теперь волки бегали под самым окном.

Ураган, скаля огромные клыки, рвался из хижины. Шерсть на нем стояла торчком, и из-за этого он стал выше, больше.

Поглощенный зрелищем жестокой борьбы, Алешка не услышал, как подполз Валерка. А тот уже дергал его за штанину и просил:

— Подними. Слышишь, подними.

Ему тоже хотелось посмотреть. Но Алешка только отмахивался. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он ясно различал то оскаленную

пасть и белые, как снег, зубы, то дугой выгнутую спину, то косматую лапу.

— Лешка, а я?

— Что?

— Подними.

Алешка с трудом приподнял брата. Валерка приник к окну, но ничего не увидел и нечаянно толкнул раму, окно распахнулось, и почти тотчас вперед подался Ураган и выпрыгнул. Это произошло так неожиданно, что братья в первое мгновенье не сообразили, что произошло. Лишь в следующую секунду, опомнившись, Алешка отчаянно позвал:

— Ураган! Сюда!

Ураган, наверно, понял по голосу, по тону, как был взволнован Алешка; взвизгнув, он бросился обратно к окну, вскинул лапы и вдруг снова исчез в темноте.

— Куда?

Не раздумывая, Алешка отбросил колышек, подпиравший дверь, и настойчиво позвал:

— Ураган!..

Собака вернулась, в темном проеме двери появилась ее большая лохматая голова.

— Сюда! — Алешка втащил Урагана в хижину, закрыл дверь и подпер колышком.

Теперь все! Надо только поскорее закрыть окно, а волки пускай грызутся, все равно марала от них не уберечь. Алешка не видел, как из лесу выбежал недавний победитель лося и бросился на волков, и они, злобно огрызаясь, поспешно исчезли в кустах…

Несколько минут братья лежали молча, прислушиваясь, не завоет ли волк снова, не заскребется ли в дверь, но, кроме глухого раздраженного бормотанья грома, ничего не было слышно.

Крепчал ветер. Он гудел уже не в вершинах деревьев, а настойчиво стучался, барабанил в окно, толкался в стены, и они дрожали, готовые каждую секунду упасть, завалиться совсем.

Свет молнии ослеплял, на какое-то мгновенье белыми становились закопченная печка, волосы Валерки, блестящие оконца. Молния гасла — и сразу же накатывался густой, темный, как черничный кисель, мрак, и нельзя было рассмотреть не только окон, но и собственную руку.

— Они убежали, — шепнул Валерка.

— Наверно. — Ощутив под рукой задрожавшее плечо брата, Алешка спросил: — Ты чего?

— Просто так… А они… вернутся?

— Что ты! Никогда! — сказал Алешка и сам поверил в это. Волки не посмеют вернуться к хижине, где лежит Ураган, где есть огонь. Нащупал спички и положил их под голову, под ветки, — надежнее так. Завтра он натаскает побольше валежника, растопит печку, чтобы огонь горел всю ночь до утра.

Алеша шепотом рассказывал, что он придумал. Валерка слушал, чуть раскрыв рот, во вспышках молнии глаза его казались большими и светлыми.

— Нас совсем забыли.

Из-за внезапно ударившего грома Алешка расслышал только одно слово "забыли" и, когда гром утих, спросил:

— Кто?

— Все… Никто, никто не помнит.

Валерка часто задышал, громко шмыгая носом.

В первую минуту Алешка не мог ничего сказать: может быть, в самом деле Валерка прав? Если их помнят, то почему не могут отыскать так долго? Вот уже сколько дней и ночей они одни плутают по лесу. В прошлом году дядя Митяй, сосед ихний, не вернулся с охоты, и почти весь поселок вышел на поиски. И что? Три дня искали, а все-таки нашли.

А что рассказывал отец про поморов? Дружные они и сильные. В Белозерске все из поморов. Валерка не прав.

— Нет! — сказал Алешка убежденно. — Не забыли нас.

— Знаешь ты!

— Знаю… — Алешка приподнялся, прислушался к новому удару грома. — Попробуй найди нас в таком бору… И все-таки нас, наверно, ищут… Разве ж папанька нас оставит?

— Ага, — всхлипнул Валерка. — Ты давно так говоришь…

Алешка вытер Валерке глаза, нос:

— Не может того быть, чтобы не нашли. Только и нам стыдно нюни распускать.

Мальчики замолчали. Новый удар грома был сильнее прежних. Избушка задрожала.

Братьям все казалось: ветер вот-вот поднимет хижину и унесет вместе с ними куда-нибудь далеко, и каждый раз при очередном ударе грома и яростном порыве ветра крепче прижимались друг к дружке. Алешка тянул к себе Урагана и чувствовал, как Ураган то и дело вскидывает голову, неспокойно водит ноздрями, словно принюхивается к чему-то.

Только перед самым рассветом братья уснули. И тогда ветер, наверно вконец рассердившись и собрав все свои силы, рванулся под крышу и, приподняв левый край ее на своих могучих плечах, сорвал, бросил на землю.

Алешка сначала не понял, что случилось, но в следующую секунду, сообразив, в чем дело, потащил полусонного Валерку в угол, где уцелела часть крыши, поманил Урагана.

Ветер постепенно утихал, и тогда пошел мелкий густой дождь. Мальчики отодвинулись еще дальше, под самую стенку.

— Теперь они… вскочат, — тихо, словно боясь, что его услышат, шепнул Валерка.

— Что ты? — Алешка ответил как можно спокойнее. — Ураган с нами.

Скрючившись, Валерка настороженно слушал шум дождя и все время гладил мокрую голову Урагана.

К утру дождь затих, лишь изредка одна-две капли залетали в раскрытую крышу. Зеленая пихта, склонившись, любопытствуя, заглядывала внутрь хижины, словно спрашивала: "А как вам ночевалось?" Мальчики молча смотрели на приветливую пихту, на совсем поблекшие звезды, У порога застыл круглый, чуть удивленный глазок дождевой воды, и котелок, который они не убрали под печку, был полон воды, а оставшийся ботинок намок и блестел от влаги.

— Вставать будем, — сказал Алешка, хотя очень хотелось полежать. Он помог Валерке, и тот, морщась, прошел с ним несколько раз от порога к столу и обратно.

— Не могу больше… Ноги не держат.

— Ладно, полежи, а я крышу починю. А то, может, снова дождь пойдет…

Валерка ничего не сказал, пусть Алёшка и крышу чинит, а он полежит.

Вблизи от хижины Алешка нарезал веток, приставил их к стене и, с трудом взобравшись на крышу, принялся закрывать ими брешь. Ветви ложились хорошо, оставалось положить еще несколько — и брешь будет заделана. Кое-как уложив их, Алешка закончил работу и усталый прилег здесь же, на крыше.

Вблизи запела пичуга, ласково коснулся лица теплый луч солнца. Алешка в это мгновенье забыл, что пора слезать, идти за водой, что ждет Валерка. Далеко-далеко расстилался лес. Он был как бы соткан из дождевых капель, они сверкали на солнце, ветер слегка покачивал ветви, и они роняли короткие золотые молнии в траву. Но сколько ни

смотри, а пора слезать, разжигать печку, идти за водой. Предстояло переделать очень много работы.

Алешка сполз вниз, однако дальше не пошел, сел на землю и привалился к стене. Что с ним? Алешка не на шутку испугался: что будет с ними, если он не сможет ходить? Кто принесет воды?

— Лешка! — позвал вдруг Валерка.

— Я сейчас.

Кликнул Урагана и, опираясь о сильную спину собаки, встал. Идти было трудно, но с Ураганом все-таки легче.

В хижине стало очень зелено от теней, от ветвей, застрявших в проломе крыши, и Алешка не сразу разглядел брата. Лицо его, глаза, руки тоже были зелеными.

— Долго ты там… на крыше.

— А что я, в бабки играл?

Алешка присел перед печкой, подложил валежника, поставил котелок с дождевой водой.

— Вот сейчас чаю напьемся… А потом за ягодами пойду.

— Далеко не ходи. И дверь не закрывай. Чтоб я видел.

Валежник быстро разгорался. Алешка поправил котелок, огонь запылал ярче.

— И валежника маловато… Сходим принесем… Ураган!

Опираясь на палку, Алешка вышел. Возле избы он вынул из кармана спичечный коробок, сосчитал оставшиеся спички. Их было четыре. Всего четыре! Вчера, когда он зажигал валежник, он совсем позабыл, что спички могут выйти. Теперь-то он вспомнил.

Что же делать? Сказать об этом Валерке? А зачем? Из оставшихся спичек, как ни старайся, больше не получится. А почему? Вспомнился рассказ, который он однажды прочитал. В нем говорилось об одном путешественнике, который вот так же, как Алешка с братом, долго блуждал, только не по лесу, а по тундре, оставшуюся спичку он разделил на четыре дольки. Четыре дольки. Это значит, у Алешки — четырежды четыре — будет шестнадцать спичек! Только надо умело разделить каждую спичку.

Алешка сразу же достал нож, который он носил с собой, разложил спички на пеньке и осторожно каждую спичку разделил на четыре части. Все обошлось благополучно. А он боялся: сера соскоблится, отвалится. Одна лишь долька стала негодной, но и ее он не выбросил. Все спички завернул в сухой листок и сунул в коробок обратно. Теперь они с Валеркой обеспечены на много дней вперед.

Он собрал немного валежника и повернул к хижине. Ураган шел рядом, и Алешка опирался о его широкую крепкую спину.

Перед самой хижиной Ураган остановился, поднял голову и дважды глухо пролаял. Алешка осмотрелся: нигде никого.

— Что ты, Ураган?

Собака продолжала принюхиваться. Она, без сомнения, что-то почуяла.

Так размышляя, Алешка наблюдал за Ураганом. А тот, вильнув хвостом, посмотрел на мальчика и, словно приглашая его, побежал и

сразу же вернулся, мягко схватил зубами за штанину и потянул к себе: "Идем, мол..." Но Алешка высвободился, погладил Урагана по шерсти:

— Не могу я... понимаешь? Валерка там.

Ураган покрутил мордой, заскулил, словно жалел, что Алешка не может идти с ним. Он дважды убегал на край поляны и возвращался. Наконец в третий раз, когда Алешка, поняв, что Урагану обязательно нужно бежать куда-то и его, видимо, не удержишь, сказал совершенно серьезно, словно Ураган понимал человеческую речь:

— Беги, Ураган!.. И возвращайся... Мы будем ждать... Беги!..

Ураган еще раз посмотрел на Алешку, взвизгнул и помчался через поляну на бугор.

Когда Алешка вернулся в избу, в котелке уже закипала вода. Валерка к печке не подползал, сидел у двери и сердито сопел: снова Алешка задержался. Увидев, что нет Урагана, спросил:

— А Ураган где?

— Убежал.

Валерка укоризненно посмотрел на брата:

— И ты... отпустил его?

— Он очень хотел... Он и меня тащил. Но ты не думай — он вернется. Я сказал ему, что мы ждать будем.

— Не вернется он больше.

— Вернется. Увидишь, вернется… Вот попей лучше. Согреешься.

ВАЛЕРКЕ ПЛОХО

Братья договорились, что вдвоем пойдут к месту ночного поединка и посмотрят, куда медведь положил "квасить" марала.

Первый о походе заговорил Валерка. После возвращения Алешки он вдруг заявил, что больше в хижине один не останется, ему скучно и, кроме того, ему очень хочется посмотреть, утащил медведь марала или оставил на том же месте, под кучей хвороста. Алешка попытался уговорить его, но не тут-то было — Валерка твердил свое: пусть только Алешка попробует уйти без него, он, Валерка, тоже пойдет, а не сумеет идти — поползет.

На самом же деле он боялся, хотя и не хотел в этом признаться. После прошедшей ночи из-за деревьев, как ему казалось, выглядывают хищные росомахи, они только и ждут, когда Валерка останется один. Нет, он ни за что не хотел оставаться. На этот раз он был очень настойчив.

Делать нечего, пришлось Алешке согласиться.

Взяв по колышку, братья двинулись в путь.

От лесной избушки до кучи хвороста, примеченной ребятами, было не больше ста шагов, может быть, чуть побольше, во всяком случае, не очень далеко, здоровому человеку две минуты ходьбы. Для братьев пройти такое расстояние оказалось далеко не простым делом.

После каждых двух-трех шагов Валерка останавливался; не глядя на Алешку, опираясь на его плечо, делал еще два шага и снова останавливался. Но Алешка не тяготился такими слишком частыми остановками. Он тоже еле шел, к тому же при такой ходьбе можно все

как есть осмотреть. На каждом шагу мальчики встречали следы вчерашней битвы, а такое не часто увидишь, разве что услышишь от какого-нибудь охотника. Но одно дело услышать и совсем иное — посмотреть своими глазами.

Вся поляна была изрыта вдоль и поперек, усеяна мокрыми клочьями шерсти, трава во многих местах повыбита, вырвана, на ней виднелись не смытые дождем рыжие пятна крови. А вот и место, где упал марал; от его острых больших копыт остались глубокие ямки, наполненные до краев дождевой водой. Почти в каждом таком небольшом колодце уже плавали, резвились зеленые жучки, а из одного пил толстый лесной шмель.

Братья постояли немного и поковыляли дальше — там между деревьев виднелась огромная темная куча хвороста.

Их тянуло сюда не простое любопытство. Алешка перед выходом проверил, лежит ли в кармане нож и острый ли он. Он не говорил, зачем ему нож, Валерка понимал и так, что к чему. Им казалось, что они найдут здесь и Урагана — куда он мог еще так внезапно убежать?

Последние метры мальчики не останавливались. Опираясь на плечо брата одной рукой, а другой на колышек, Валерка из последних сил старался не отстать от Алешки. А тот словно позабыл о Валерке, о его слабости, о том, что брат не может быстро ходить, и спешил, задыхался.

Мальчикам чудился свежий запах мяса, его было там очень много — стоило только быстрее идти, преодолеть это бесконечное проклятое расстояние. В эту минуту они позабыли не только об усталости — их не пугала даже возможная близость медведя, а может быть, и росомах, и волков. Пусть они бродят где-нибудь поблизости. Пусть! Мальчики возьмут себе немного и уйдут. Вот только бы дойти, не упасть, только бы выдержали ноги.

Больно кололись сосновые шишки. Под ноги попалась неглубокая ямка, Валерка споткнулся и упал, ударился коленкой о старое корневище. Морщась от боли, он все-таки встал и, прихрамывая, побрел дальше вслед за братом к хворосту, где должен лежать лось.

Вот он, хворост… Ребята подошли ближе. Что это? Марала не было. Только смятая трава, поломанные ветви, бурые пятна крови. И все. Впрочем, не все. Остался след. Он показывал, где теперь мог быть убитый марал. След — широкий, примятый — тянулся в лесные заросли. Видно, туда утащили марала. Не могло быть сомнения: сделал это сам лесной хозяин — медведь. Он убрал свою добычу подальше от волков и росомах. И теперь ее не достать.

Лес был тих и спокоен. Но братьям вдруг почудилось: за ними следят. За каждой веткой, за каждым кустом были недобрые глаза.

— Пойдем, Лешка! — заторопился Валерка и слабо вцепился в рукав Алешки. Но, не сделав и двух шагов, остановился:

— Грибы!.. Лешка, смотри-и!

В самом деле, под кустом росло большое семейство белых грибов.

— Ого, сколько их!

— Соберем?

— Ага.

Братья тут же принялись собирать грибы. Но как их унести? Алешка снял с себя майку.

— Сюда давай!

— Не поместятся… Я в карманы буду…

— Ладно.

— Придем и сварим… Все сразу… Правда, Лешка?

— Что ты! Тут на три дня хватит.

— Зато наедимся.

— Много нельзя… Я их засушу. Сушеные они лучше. Помнишь, мама сушила?

— Ага… Вкусные они с салом, картошкой.

— Сало и само хорошее.

Полчаса спустя они вернулись к хижине, и Алешка сразу же принялся за грибы. Часть он почистил и бросил в кружку, помыл, потом стал варить. Суп получился на славу, и они съели его до последней капли. Остальные грибы Алешка решил подсушить.

Он знал, как это делать. Немытые грибы очищают от лесного сора и земли, затем нанизывают иглой пятьдесят и больше шляпок на прочную нитку, покрупнее — книзу, помельче — сверху. Готовую связку подвешивают на вбитый в раму окна гвоздик. Но ниток у Алешки не было, иглы тоже, а надо было что-то придумать. И он придумал. Вырезал несколько тонких прутиков, воткнул их в землю перед окном и принялся нанизывать на них грибы. Часть оставшихся грибков понацепил на ветки куста, росшего за хижиной и хорошо освещенного солнцем.

Управившись с грибами, решил заготовить на ночь валежник, но сделать это ему не пришлось. Неожиданно Валерке стало плохо. Его затошнило, сильно заболел живот. Валерка просил пить, звал на помощь Алешку, отца, мать.

Алешка испугался, такого еще с ним не было. Он подумал, что Валерке не надо было так наедаться. Но помогут ли сейчас упреки?

— Ой, болит! — стонал Валерка. — Болит! — Его посиневшие губы едва шевелились.

Алешка щупал желтый, немного вздувшийся живот Валерки и от бессилия готов был зареветь сам.

— Стой! Я тебе положу на живот… — Взгляд его упал на кружку.

Кружка! Он поставит ее на живот Валерке! Она будет грелкой.

Алешка тотчас поставил кружку с водой на огонь в печурку. Подбросил валежника.

— Погоди, я сейчас! Еще минута… Ну не надо плакать! Не надо. Тебе станет сразу лучше. Я знаю. Помнишь, Катьке нашей было плохо, а мама ей грелку положила, и сразу прошло? У тебя тоже пройдет… В другой раз не будешь так много есть… Я тебя просил. А ты не слушал.

— Я буду слушать… Я всегда буду слушать. Только скорей.

— Еще чуточку… Только чуточку. Она уже теплая.

— Пусть теплая.

— Сейчас… Вот моя майка, завернем в майку и поставим. Вот так…

Но Валерке не становилось лучше. И Алешка не знал, что еще придумать.

УРАГАН НАХОДИТ СЛЕД

В ушах Урагана звенел требовательный, хотя и слабый голос Алешки: "Иди". Почему он раньше не сказал этого слова? Скажи Алешка так раньше — Ураган побежал бы домой и привел бы своего хозяина и всех, кого бы он ни встретил, но Алешка не говорил этого слова, и Ураган не уходил. Но раньше не было и этих запахов — так остро дразнящих и все время удаляющихся куда-то в сторону. Это самое опасное — запахи могут уйти, исчезнуть.

Ветви назойливо лезли в нос и глаза, он вынужден был продираться сквозь них, грудью разрывать заросли и, выскочив на полянку, в два-три прыжка одолевать ее.

Урагана мучил голод, ему очень хотелось остановиться возле кустика и подкараулить глухаря, но его гнали вперед эти запахи, звали, притягивали к себе. Вот они приблизились. Нет, ветер отнес их в сторону.

Овраг, сплошь заросший колючими кустами, обходить долго, и Ураган рванулся напрямик. Колючки острыми шипами впивались в бок; взвизгивая, он бежал дальше. Вот и конец оврагу, конец злым колючкам, впереди почти совсем открытая поляна.

А дальше виден просвет между деревьев, значит там легче, а за просветом — и они, люди, запах которых так манил и звал Урагана. Это уже совсем близко.

Ураган глухо зарычал — может, от радости, что скоро он догонит охотников и приведет их к хижине, или, может быть, ему хотелось привлечь к себе внимание.

Путь ему преградило болото — широкое, поросшее мхом и кустиками. Ураган на секунду остановился и бросился вперед. Перепрыгивая с кочки на кочку, вытягивался во всю длину своего пружинистого поджарого тела, а там, где ему казалось, что он не перепрыгнет, там он переползал, зубами цепляясь за ветку, за листок кустика.

Вот еще один скачок, еще одно движение — и он у цели.

Собрав последние силы, Ураган сделал отчаянный рывок вперед. В последнюю секунду зацепился передними лапами за скользкую влажную траву, под которой надежная твердь. Лохматые лапы впились в землю, Ураган подтянулся вперед всем своим большим, вымазанным в черной болотной жиже телом. Еще мгновенье — и он на берегу. Бока его — как кузнечные мехи; чуть-чуть отдышавшись, встряхнулся — во все стороны разлетелась болотная жижа, темная полоса осталась на зеленой траве.

Ураган бежал дальше, не оглянувшись даже на гиблое место.

Люди, к которым он стремился, ушли, он должен их догнать... И он догнал их. Один был старый уже человек, другой — совсем молодой, может быть, чуть старше Алешки. С охотниками была и собака. Она бежала впереди их, но вдруг остановилась, понюхала воздух и повернула обратно.

Охотники тоже обернулись, увидели бегущего к ним Урагана. Старик секунду медлил и, что-то сказав, поднял ружье.

"КТО ЖЕ ОНИ!"

Никогда еще Коле не приходилось бывать в таком лесу. Идешь-идешь, а он становится все больше и глуше. И кажется, нет ему конца и края. И чего в нем только нет! На каждом шагу встретишь такое, что и

не приснится. Дед Арсентий обо всем рассказывает, будто раскрыл книгу и читает.

— Дедушка, а это что? — Коля показывает на необыкновенной формы цветок.

— Медвежье ушко… На ухо поскотника похож.

— А поскотник — кто это?

— Медведь, стало быть.

— А почему его так называют?

— По скотине пасется, когда голодный бывает.

— А вот это что?

— Волчье лыко… Ягоды… Ядовитые, гляди-кось.

Дед Арсентий, довольно усмехаясь в седоватую, широкую, словно веник, бороду, рассказывает внуку о жизни лесных обитателей, о их повадках, привычках, о цветах и травах.

Коля внимательно слушает. Все ему хочется узнать, запомнить. Он нисколечко не устает и думает, что и деду идти не трудно.

— Дедушка, а лес ты хорошо знаешь? Не заблудишься?

— Гм… Улицу ты свою знаешь?

— А как же, знаю.

— И давно ты живешь там?

— С самого рожденья… Тринадцать лет.

— А я тут шесть десятков доживаю… Как же я могу заблудиться?

— Но то город, там везде надписи, а в лесу нет же надписей!

Дед Арсентий осторожно обходит маленький синий цветок, словно знакомой, кивает белке, выглянувшей из-за ветки, гладит ладонью медный ствол сосны. Увидев бьющий из-под зеленого бугорка ручеек, присаживается, кличет забежавшего вперед Серого, снимает с плеча ружье, тут же ставит корзинку, на дне которой лежит немного белых грибков.

— Отдохнем, внучек. Попьем свежей водички. Покурим.

— Да я не устал.

— Но ты все-таки отдохни… И попей, если хочешь. Вода тут добрая. Всяких лимонадов краше. А дорога нам предстоит дальняя. Пока дойдем, пока вернемся…

— Дедушка, что ж ты не ответил?

Дед Арсентий набивает табаком маленькую трубочку, подносит спичку. Прикурив, осторожно гасит спичку и прибивает ее каблуком. Коля снова спрашивает, но уже о другом. Почему дед так старательно прибивает каблуком сгоревшую спичку, она ведь и так не загорится?

— Оно, конечно, но лес сухой… Всякое бывает… От махонькой искорки пожар может быть. А пожар в лесу — стихийное бедствие.

Дед пыхнул дымком, потрогал обкуренным пальцем бороду, погладил Серого, сидевшего рядом и все время настороженно поводившего большими тонкими ушами, потом достал из корзинки флягу и подставил под струю воды.

— Значит, интересуешься, как я лес читаю?

— Да.

— Тут своя наука, и не сразу она дается человеку. Лес — что твое живое естество. Любить его надо, и он тебя полюбит, что где растет, будешь знать, в какое время года произрастает… Будешь знать, о чем он шумит. Во, слышишь? Заговорил. Листок с листочком зашептался. Не иначе, где-то ветром потянуло. Вот лес и отозвался. Хороший денек будет.

— Ну, а читать как? — не унимался Коля.

— А очень просто… Идешь и читаешь. К примеру, этот участок. Вишь, кусты здесь какие? Ольшаник. Ему годков десять, не больше. А на другом участке свои приметы… Так и читаешь. Вот поживешь лето в Ракитном — научишься.

— Правда, научусь?

— Была б охота… Человек всего может достигнуть. Про нашего земляка Михайлу Ломоносова слыхал? Достиг человек. А уж как мытарился смолоду.

— Пешком в Москву из самых Холмогор добирался.

— Да ты и сам все знаешь.

— Нам в школе рассказывали.

— То добро… Ну, отдохнули.

Старый лесник и охотник Арсентий Абрамов и его внук Коля, приехавший погостить из Москвы, отправились в лес не на обычную прогулку. Правда, внуку дед сказал, что пойдут они по грибы, но на всякий случай захватил с собой ружье, взял и Серого. А вдруг понадобятся? Дед Арсентий шел в лес с совершенно определенными целями. Накануне он получил письмо от Боярова из Белозерска. Тот писал, что в лесу затерялись его сыновья.

Письмо пришло вчера вечером, а сегодня на зорьке Арсентий решил отправиться в лес. Хотел было идти один, но приехавший внук упросил и его взять. Старый лесник предупредил, что идти придется далеко и пусть Коля потом не жалуется на усталость. Внук уверил деда, что он уже не раз бывал в походах, вот хотя бы в прошлом году, когда был в пионерском лагере, ему совсем не трудно пройти десять, а если надо, то и все двадцать километров.

Просили за Колю и бабка Агафья и дочь — мать Коли. И уговорили деда. Но теперь он был даже рад, что взял внука с собой. Коля с жадным любопытством обо всем расспрашивал, до всего ему было дело, и это примирило старого лесника с мыслью, что, может быть, придется чаще отдыхать, не так быстро идти, чтобы внук, не приученный к дальним дорогам, не переутомился…

Коля собрал уже две полные панамы грибов, из которых, правда, дед половину выбросил. Три раза делали привал, разок перекусили, а день только начинался. В лесу чувствовалась прохлада. Роса на деревьях еще не высохла, блестела на коре и золотистых шишках.

— Дедушка, а я спрячусь, найдешь меня? — спросил Коля.

— Говорят, двое уже спрятались… Сколько дён ищут, а их нет. Родной отец не найдет.

— Кто такие?

— Такие примерно, как ты, прыткие… А в лесу все случается.

— Что?

— Посуди сам… Без еды, без питья. Куда идти, не знают. А тут зверь еще.

Некоторое время Коля шел молча, потом оглянулся, поравнялся с дедом.

— Дедушка, а какие звери в этом лесу?

— Всякие.

— Волки, наверно?

— И волки. И поскотник водится и росомаха. Всего понемногу.

Коля оглянулся еще раз и уже ни на шаг не отставал от деда.

Между тем время близилось к полдню. Солнце встало почти над головой. В зеленом наряде застыли пихты и сосны, а стволы их казались литыми из червонного золота. Между ветвей дрожал искрящийся солнечный свет. Голоса певчих птиц стали еле слышны. Закрыли свои ярко-желтые корзинки одуванчики. Потянулись за солнцем венчики шиповника, дурмана, трехцветных анютиных глазок.

— А видишь, внучек, кустик этот? Кислицей называется. Хитрая штука. Смотри на цветки. Не раскрытые, правда? Значит, полдень еще не пришел, в полдень они обязательно раскроются. А к вечеру уснут. Теперь листья, заметь, если несложенные — будет вёдро, а перед ненастьем они складываются. Вот тебе и часы и предвестник погоды.

Коля слушал деда, раскрыв рот: подобного он не видел еще и не слышал. Цветы — барометр и часы одновременно. Чудеса, да и только!

Впереди неожиданно открылось большое кочковатое болото, на нем то здесь, то там проблескивали сквозь траву желтоватые блюдца воды.

— Вот и болото, — сказал дед.

— Тихое какое.

— Тихое, верно… Да недаром говорится: в тихом болоте черти водятся.

— Черти? — усмехнулся Коля.

— Это поговорка. Ну, а если человек не знает этого болота, погибнет. Взойдет на него, кочка поначалу держит, а потом, гляди, оступился человек — и провалился по колено, попытался вытянуть ногу — увяз глубже. Сделал шаг — по пояс засел. И если не подсобить, можно увязнуть так, что никакая сила не спасет. Потому рукой или ногой не пошевелишь — в тине человек, что клеем облепленный.

— И никто не услышит?

— Лес-то большой. Год кричи, хоть два — все едино никого не докличешься… А болото ласково называется — Ромашковое. А то есть еще Заячье, километров за двадцать отсюда, то еще более топкое. Вот оно как, внучек.

УГЛИ ЕЩЕ НЕ ОСТЫЛИ

Коля молча слушал деда и все время оглядывался на болото. В лучах солнца нежились на нем белые лилии, какие-то красные цветы, названий которых Коля не знал, зеленый мох казался бархатом. Вдруг Коля остановился, сделал шаг в сторону и, оступившись, чуть не упал.

— Дедушка, гляди!

— Что?

— Волк!

От болота кто-то бежал. Собака, волк — кто его разберет? Серый, однако, не залаял, он только чуть подался вперед, смотрел настороженно.

Мгновенье колебался дед Арсентий и поднял ружье. Еще мгновенье — и выстрел огласил бы лесные окрестности. Но старый охотник не выстрелил. Зрение его не обмануло: к ним бежал не волк, нет, это была большая, почти как волк, овчарка. Да, это был Ураган — черный, страшный, в болотной тине. Он не разбирал дороги и ничего не боялся: ни выставленного против него ружья, ни насторожившихся людей. Ураган не ответил на злобное рычанье Серого, он бежал к людям и добежал наконец.

Ураган остановился перед Арсентием и дважды густо и хрипло пролаял. Дед Арсентий и Коля, стоявший на полшага сзади, смотрели, что будет делать дальше эта странная собака. Серый отбежал в сторону и тоже глухо, будто в колодец, залаял; он бы, наверно, бросился на Урагана, но дедушка цыкнул на него, и Серый замолчал, продолжая настороженно рассматривать незнакомца.

— Что скажешь? — спросил старый охотник, словно Ураган мог ответить ему.

Ураган отбежал в сторону, и сразу же вернулся, и снова залаял требовательно и настойчиво. Он повторил свой прием дважды, причем во второй раз отбежал на значительно большее расстояние.

Наверно, Ураган готов был повторять это бесконечное количество раз, если бы дед Арсентий вдруг решительно не подбросил на плечо ружье, надвинул на лоб кепку:

— Пойдем, внучек.

— Куда?

— За ним… Видишь, зовет.

— Кто зовет?

Коля подозрительно посмотрел на деда: не смеется ли? Но дед говорил совершенно серьезно:

— Не понял?.. А еще охотником собираешься быть. Собака, видишь, что делает? Волнуется она. С собой зовет. Стало быть, надо идти. Не будем мешкать, внучек… Серый! Ну-тко…

Коля устыдился своей неопытности и заторопился. Чтобы хорошо видеть Урагана, устремившегося назад, к болоту, обогнал деда, но дед придержал Колю за руку:

— Рядом иди… И не забегай.

— Собака потеряется.

— Она вернется. Без нас не уйдет.

— А если уйдет?

— Увидишь.

В самом деле, Ураган не слишком далеко убегал вперед. Если же он удалялся на такое расстояние, что следовавшие за ним люди исчезали в лесной чаще, он тотчас, как и говорил дед Арсентий, поворачивал обратно, находил их и, убедившись, что его видят, бежал дальше, перепрыгивая ямы, вывороченные корни, напрямик через поляны. Он, как видно, хорошо знал, куда надо бежать.

У Ромашкового болота Ураган остановился и жалобно заскулил. Дед Арсентий понял: собака боится, во всяком случае, побаивается, предупреждает об опасности.

Дед Арсентий потрепал собаку между ушей и уверенно взошел на подрагивающую трясину.

— Коля, ступай след в след за мной, Серого держи за ремень, а я этого поведу.

Ураган дал себя вести безропотно, лишь иногда он пытался перепрыгнуть с кочки на кочку, но старый охотник придерживал его, и собака, понимая каждое движение опытной руки, успокаивалась и переходила вброд по неглубокой воде.

Через болото перебрались быстро, причем ни разу не провалились.

— Дедушка, а ты говорил… — разочарованно сказал Коля, когда болото осталось позади.

— Чего говорил?

— Ну что — забыл?.. Болото засасывает.

— Любой знающий охотник пройдет. Только знать нужно, как идти. Видишь — кустики растут? Их и надо держаться. А сверни в сторону — застрянешь, как пить дать.

Коля оглянулся на болото еще раз, рассмотрел на нем какие-то темные мутные круги, услышал, как что-то ворчит там, выпуская радужные пузырьки, и быстрее зашагал по высокой мягкой траве.

Ураган снова убежал далеко вперед. Некоторое время его не было вцдно, и Коля забеспокоился: где он? Он посмотрел на деда, а тот шел, как будто ничего не случилось, совершенно спокойный, только шагал дед широко и быстро. Но Коля тут же успокоился: из-за кустов показалась серая, почти обсохшая, в корках грязи голова собаки.

Ураган несколько раз пролаял и, подождав, когда к нему приблизятся, побежал дальше.

— Видишь, куда мы идем?

— А куда?

— Погоди. Увидишь… Ну и ну.

Величественные сосны подпирали предвечернее небо. Тучи плыли в одну сторону — на север, к морю. Перекликались лесные птицы, словно зазывали друг дружку в гости. Лес жил своей жизнью, и ему не было никакого дела до старого охотника и его внука, до двух овчарок, теперь почти рядом бежавших по лесной чаще.

Ураган внезапно вырвался на зеленый пригорок и остановился: там, на поляне, стояла хижина. Он трижды, словно давая знать о себе, пролаял, повернулся к старику и мальчику, вильнул хвостом и большими прыжками устремился вниз.

Старик поспешил вслед за Ураганом. Коля еле поспевал за дедом. Его дед, который всегда говорил "Поспешишь, людей насмешишь", на этот раз почти бежал, развевались полы охотничьей куртки, борода задиралась вверх, а кованые каблуки сапог так и мелькали в зеленой траве.

Впереди деда трусил Серый, но Урагана обогнать не пытался, да Ураган был уже далеко.

Пересекли поляну. Осталось несколько десятков метров, как вдруг Ураган беспокойно повел ухом и скрылся в хижине.

А через минуту на пороге встал и дед Арсентий. Из-за плеча его выглядывал Коля.

Оконца хижины были раскрыты. С потолка свисали две длинные зеленые ветки. На полу лежал ботинок. У печурки, наполовину заполненный водой, стоял котелок. На жерди висела связка грибов, у порога — старый охотник заметил и это — валялся каблук от ботинка. И больше ничего. По всему видно, здесь жили, еще не совсем остыл котелок, в печурке тлели угли. Но где обитатели? Куда они ушли? Или их увели отсюда? Дед Арсентий несколько мгновений стоял в нерешительности, раздумывая, что делать. Но прежде чем он переступил порог, Ураган обнюхал лежащий котелок, березовые ветви и трижды пролаял.

— Ну что ты?

Старик видел, что собака волнуется, но не мог ее понять.

Ураган посмотрел на старого охотника, как бы приглашая его с собой, и выбежал из хижины.

— Пошли! Поищем, — сказал старик, идя вслед за овчаркой.

"ТЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИМУТ!"

Ничего не помогало Валерке. Он перекатывался с боку на бок, то скрючивался, поджимая ноги к подбородку, то выпрямлял их.

Алешка не знал, что делать, чем помочь брату.

Пот скатывался со лба Валерки большими каплями, и такой же пот покрыл лицо Алешки. В эту минуту братья позабыли обо всем на свете. Ураган убежал и до сих пор не возвращался. На небе снова появились тучи, и, несомненно, скоро дождь начнет хлестать по слабо укрытой избушке. Но это не беспокоило их. Не было им дела до того, что кто-то стащил одну связку полусухих грибов с колочка — может быть, какой-то лесной зверек.

— Болит! — стонал Валерка, и лицо его, худое, длинное, с ввалившимися глазами и тонким носом, вытянулось еще больше, а губы стали похожи на две узенькие синие резинки — они то растягивались, то сжимались.

Алешка мучился не меньше. Он все перепробовал, все, что было возможно, и вдруг его осенило: надо сварить кисель из черники! Во всякое время года, когда у кого-либо из детей заболевал живот, мама варила кисель и заставляла пить его целыми стаканами. Кисель?! Хорошо сказать — кисель. Но где возьмешь крахмал, сахар? А если без ничего? Будет компот, пусть кислый, но это лучше, чем обыкновенная вода. Нужно, не медля ни секунды, сбегать и набрать свежих ягод, принести воды и заварить компот.

Алешка схватил котелок, бросился к двери:

— Я сейчас.

Но дальше порога он не пошел. Валерка застонал снова:

— Куда т-ты?

— Я скоро.

— Я не хочу оставаться…

Алешка в отчаянии оглянулся: что делать? Придется взять и его с собой. Идти, поддерживать под локти, а там, где они увидят много ягод, остановиться. Там же они разведут и костер.

Двигались братья очень медленно. Несколько раз они отдыхали. Валерка почти висел на руке Алешки.

— Может, здесь? — шептал он.

— Дальше… Здесь ничего нет.

Еще утром, когда они ходили к месту ночного поединка, Алешка заметил, что за пригорком, влево от него, росла черника. Там Валерка полежит, отдохнет, а он насобирает ягод и разведет костер. Вон за тем бугорком. Надо только осилить его. А там ягоды, много ягод.

— Потерпи… Скоро уже. Ты же сильный, я знаю.

— Не могу, — хрипел Валерка, еле переставляя ноги. — Совсем нет терпенья.

— А ты все равно не сдавайся. Пионеры никогда не сдаются. Помнишь, какой был Володя Дубинин из Керчи? Он бы не сдался. И Валя Котик из Шепетовки такой был.

— Я не пионер, я еще маленький. Сам говорил.

— Тебя обязательно примут. Вот как вернемся, сразу и примут, увидишь… Я тебе свой галстук отдам. У меня два: один шелковый, а один сатиновый. Ты же знаешь. Я тебе шелковый отдам. Честное пионерское, отдам.

— А раньше не хотел давать. — Валерка устало раскрыл глаза.

— То раньше. А теперь отдам. Насовсем. Носи, сколько хошь.

Валерка ничего не ответил. Сжав зубы, он вдруг замычал от резкой боли, Алешка тотчас опустил его на траву.

Рядом висели гроздья черники, он сорвал их и сунул Валерке в рот.

— Ешь… Тут еще есть. А потом я больше принесу.

Валерка медленно, через силу, открыл рот, съел несколько ягод, потом еще.

— Ну как? — тормошил его Алешка. — Лучше тебе?

— Не тряси меня, — прошептал Валерка.

Несколько минут Алешка смотрел на брата, потом медленно и осторожно поднялся, оглянулся; оказывается, они взошли на бугорок. Значит, слева должна быть черника, надо скорее бежать, пока Валерка не начал стонать снова.

И он поковылял, спотыкаясь, то и дело оглядываясь, прислушиваясь.

Черника — вот она! Кажется, еще ни разу Алешка не видел столько черники и такой красивой, сочной, в голубом пушке.

Не мешкая, Алешка принялся за работу. Некоторые ягоды он раздавливал, и между пальцев брызгал густой сок, стекал на землю, на коленки, а он рвал и рвал и вдруг вспомнил, что забыл котелок. Теперь надо идти за ним. А как же Валерка?

Надо скорее взять котелок, набрать воды и вернуться…

Несколько минут Алешка стоит на месте, тяжело дышит, делает шаг вперед, еще один. Плывут перед глазами желтые круги, тянут и его за собой. Кажется, он тоже начнет так же, как они, кружиться.

Тропка медленно тянется между сосен, по сухим веткам. Ветки, иголки очень колют в пятки, залезают между пальцев.

Алешка медленно поднимается на пригорок и останавливается. Внизу хижина — всего сто шагов отсюда, далековато, но с пригорка идти легче, намного легче, чем под гору. Надо идти, надо торопиться, а он не двигается, только сильнее налегает на палку.

"ТАМ МОЙ БРАТ…"

Ураган появляется внезапно, можно подумать, он нарочно сидел за кустом и ждал, чтобы вот так неожиданно выскочить навстречу. Он подпрыгнул, лизнул мокрым языком лицо.

— Ураган! Где же ты пропадал?.. Грязи на тебе сколько… — говорил Алешка, но Ураган его не слушал. Вцепившись в рукав зубами, он настойчиво тащил Алешку за собой.

— Пусти. Порвешь совсем.

А Ураган не отпускал. Он тащил и тащил Алешку, тот упирался изо всех сил, недоумевая, что случилось с собакой, сердито отпихивал ее, замахнулся даже палкой и… опустил ее.

Из хижины вышел человек — в охотничьих сапогах, с ружьем на плече, с корзиной, и вместе с ним мальчик — в белой панаме, в коротких штанах и безрукавке; их опередила собака, совсем незнакомая…

От внезапно нахлынувшей слабости или от ветерка, потянувшего от Ромашкового болота, Алешка зашатался и упал бы, если бы не Ураган — мальчик почти лег на него; собака не двинулась с места, она стояла, пока не подошел старый охотник.

Дед Арсентий подхватил Алешку под руки, положил на траву.

— Вот так… Лежи пока… А я вот сейчас.

Расстегнув сумку, что висела сбоку, достал хлеб, флягу с водой; Алешка поднял руку:

— Там мой брат…

— Найдем… Не беспокойся.

Дед Арсентий ушел в том направлении, куда показал Алешка, и несколько минут спустя принес Валерку и положил его рядом с Алешкой.

— Вот так.

Братья молчали. Дед Арсентий, разрезая хлеб на узкие, тонкие ломтики, посматривал на мальчиков из-под седых кустистых бровей. Они пристально следили за его руками. Нарезав, дал каждому по кусочку:

— Ешьте.

И пока они ели, ничего не спрашивал. Ничего не спрашивал и Колька, сидевший рядом с дедом. Потом охотник дал им напиться из фляги. Спросил осторожно:

— Не Бояровы будете?

Алешка кивнул. Валерка потянулся за хлебом снова:

— Еще.

— Пожалуй, кусочек можно… Ну и ну.

Дед Арсентий разглядел и худобу ребят, и рваные рубашки, и побитые, вспухшие ноги, и тонкие, как спички, пальцы. Коля тоже внимательно смотрел на братьев и, когда кто-нибудь из них протягивал руку за хлебом, торопливо подсовывал его, а когда дед сказал "нельзя", отодвинул дальше. Дед Арсентий мягко, но решительно забрал хлеб и спрятал в сумку, сказав, что есть надо понемножку, а лучше потерпеть.

— Сколько ж вы, ребятки, в лесу-то пробыли?

— Не знаем, — ответил Алешка.

— А когда вышли из дому — помнишь?

— Красное число было… Десятое августа, кажется…

— А сегодня, стало быть, двадцать пятое… Ну и ну…

Дед Арсентий, не мешкая, перенес ребят в хижину, постелил им свежих веток, потом сказал, что уйдет в поселок, позвонит в Белозерск и скоро — часа через два, самое большее три — вернется с подводой.

— А вы ждите. Гляди, Коля, от избы никуда… Вот вода и хлеб.

— Дедко, не уходи без нас, — попросил Валерка и потянулся к старому охотнику, слабо вцепился в рукав. После того, что он съел немного ягод, а затем кусочек хлеба, живот у него перестал болеть, и думал он теперь о другом, боялся, что этот старик, так внезапно появившийся, уйдет от них и, кто знает, когда вернется снова. Нет, пусть он не уходит. В глазах мальчика — мольба и страх.

— Не найдешь нас… заплутаешься.

Старик видел, понимал, что чувствуют ребятишки. Он кашлянул, нахмурился, постарался их успокоить:

— Мне в этом лесу ведома каждая тропка. Не заблужусь я, хоть бы и ночью пришлось идти. Подвода нужна. Не донесу я вас. А Коля будет с вами. И собака ваша тоже. Часа через три вернусь.

Ребята успокоились.

— Хорошо, дедко, мы будем ждать, — сказал Алешка, и дед Арсентий, посмотрев на серьезное лицо старшего Боярова, понял, что ему нечего волноваться.

— Ну вот… Будь добр и за Колей присмотри, пусть никуда не отлучается… А ты, внучек, слушайся.

— Ну что ты, дедушка, — обиделся Коля.

— Ладно, внучек…

Дед Арсентий, поправив на плече ружье, вышел из хижины, плотно прикрыв дверь.

Несколько секунд Коля стоял у окна и, вздохнув, вернулся к братьям. Те молча смотрели на незнакомого мальчика, который так внезапно вместе со своим дедом появился на поляне. Валерка протянул руку, чтобы коснуться Колиной, и не дотянулся. Коля сам взял его руку, она показалась ему странно маленькой, очень худой. Бледные губы Валерки улыбались, улыбнулся и Коля.

— Так это вы потерялись? — спросил он.

— Мы, — ответил Алешка.

— Ну и как? — Коля придвинулся ближе, обхватил руками коленки. — Где же вы ночевали?

— В хижине… В зароде. В шалаше тоже.

— На дереве один раз, — добавил Валерка.

— И на дереве?! — восхитился Колька.

Братья ничего не ответили. Колька заметил, какой у Алешки серьезный взгляд, и почувствовал себя вдруг маленьким, несмышленым. Чтобы казаться солиднее, сказал:

— Только вы худые очень. Прозрачные будто.

Алешка и Валерка промолчали.

— А что вы ели?

— Ягоды. Грибы.

— Надо было сухарей насушить и взять с собой…

Алешка насмешливо скривил губы, но снова ничего не сказал. Даже Валерка, на что обидчивый и упрямый, промолчал, ничего не ответил Коле.

А Коля, поняв свою оплошность, не знал, как загладить неловкость. Тогда Алешка деловито, как будто ничего не произошло, спросил:

— Деда твоего как зовут?

— Арсентий… Мы Абрамовы!

— Знаем. Охотник из Ракитного?

— Точно! Он лес знает, как свой дом.

— Это верно… Дедко Арсентий — знатный охотник. Он был у нас в Белозерске, только давно, я его не сразу узнал… А ты живешь где — в Ракитном?

— В Москве.

— Мы про тебя слыхали. Дедко Арсентий рассказывал… На все лето приехал?

— На все.

Коля удивленно смотрел на ребят, которые, оказывается, все про него знали. Подумав, что пора бы ребятам подкрепиться, он достал из корзинки и подал им несколько ломтиков хлеба.

Алешка отрицательно качнул головой:

— Нельзя. Слыхал, что дедко говорил?

— По ломтику, — взмолился Валерка и потянулся к хлебу. — И Урагану дай.

Ребята молча съели по пол-ломтика, стараясь не уронить ни единой крошки. Съел свой хлеб и Ураган.

В небе между туч проглянуло солнце, и вся поляна из края в край осветилась светло-зеленым светом, тени от деревьев залегли в траве. На сосне, напротив оконца слева, озабоченно и неутомимо стучал лесной труженик — дятел. И ребята невольно засмотрелись на него…

Внезапно где-то далеко ухнул выстрел. Через некоторое время еще один, но уже ближе, потом еще — с другой стороны. Отозвался лес — могуче загудел из края в край.

Несколько минут братья лежали молча, прислушиваясь к выстрелам. Еще два выстрела прозвучали недалеко от поляны, и стекла в оконце чуть слышно зазвенели. Валерка вдруг потянулся к Алешке, тихо спросил:

— Это папанька? Да?

Алешка легонько отстранил брата, приподнялся. Еще один выстрел прогремел совсем близко.

— И меня возьми... Лешка!

— Помоги мне, Коля, — попросил Алешка и приподнял Валерку. — Под руки возьмем... Пошли!

Мягкое августовское солнце слепило глаза, но они прямо смотрели на взгорок, где кто-то, взбежав, на мгновенье остановился, потом со всех ног кинулся вниз. Навстречу ему с радостным громким лаем бежал Ураган. Обнявшись, ребята стояли у порога. Они видели, как человек еще раз остановился — без картуза, в расстегнутой рубашке, с ружьем за плечами — и медленно пошел к ним.

— Папанька! — всхлипнув, прошептал Валерка и совсем повис на руках мальчишек.